

Ivonina, L. I. (2025). Representation of the Peace of Utrecht 1713 in English poetry. *Actual Issues of Modern Science. European Scientific e-Journal*, 39(1), 26–45. Ostrava.

TOI: his2025-10-x1 DOI: 10.61726/3856.2025.98.54.001

The paper is published in Crossref, ICI Copernicus, BASE, Zenodo, OpenAIRE, LORY, Academic Resource Index ResearchBib, J-Gate, ISI International Scientific Indexing, ADL, JournalsPedia, Scilit, EBSCO, Mendeley, and WebArchive databases.

Liudmila I. Ivonina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Global History, Smolensk State University. Smolensk, Russia.
ORCID 0000-0002-7230-0518

Representation of the Peace of Utrecht 1713 in English Poetry

Abstract:

During the formation of the Westphalian system (1648–1815), peace congresses functioned not only as arenas of negotiation but also as stages for representing the prestige and culture of each state. The article presents the most vivid examples of how the Peace Congress of Utrecht (1713) was represented in early Enlightenment English poetry. During the War of the Spanish Succession (1701–1714), Britain’s political scene became, for English poets, a European stage. Scholarly tradition has long maintained that one could easily distinguish Tory poets from Whig poets by their attitudes towards peace. The author challenges this assumption, focusing instead on the poets’ perception of the Peace of Utrecht and the thematic content of their poems. The reception of the Utrecht Peace by English poets was generally positive, and their poems sought to offer an appropriate representation of this significant event for Britain and to celebrate its heroes. Notably, some poets glorified the very act of peace and its architects, contrasting it with the previous years of warfare, while others emphasised that the foundations of the Peace of Utrecht had been laid through the deeds of its heroes — military commanders and diplomats. Among the poetic reflections, Alexander Pope’s *Windsor Forest* may be regarded as the most successful artistic representation of the Peace of Utrecht, whereas Thomas Tickell’s *The Prospect of Peace* is distinguished by its political neutrality. The so-called “Tory peace” was praised not only by Tory writers but also by poets sympathetic to Whiggism. Yet, regardless of political affiliation, the poets expressed in their works a unifying political idea that epitomised their patriotism and loyalty — the idea of British supremacy. Overall, the poetic representation of peace appealed to the restoration of material prosperity for the subjects and to the renewal of amicable relations among sovereigns.

Keywords: War of the Spanish Succession, Utrecht Peace, representation, English Poets, Tories, Whigs, policy, career, emotions, military commanders, diplomats.

Introduction

The study of Peace Congresses during the formation of the Westphalian system (1648–1815) confronts scientists not only with changing concepts of international relations, but also with new public practices for the presentation of diplomacy in Europe. Peace Congresses were not only a common negotiation process, but also a place of representation of the significance and culture of each state. In fact, the European Congress was a carefully designed triumph of peace within the continent, which required considerable funds, was widely covered in the press and glorified in celebrations, paintings, poetry, commemorative medals and even fashion.

The problematic of Peace has always been relevant, but since the 1970s of the last century, as the famous German scientist, director of the Institute of European History (Mainz) in 1996–2011, Heinz Duchhardt emphasized, it began to acquire inspiration, following the “fashionable” trend. In historiography, more and more attention has been paid to the cultural representation of peace. At the same time, the vast majority of publications on this subject are the result of the collective work of researchers, what is explained by its composite and interdisciplinary nature. There are also significant works rethinking the meaning of individual congresses through research of the relationship between culture and politics. Besides, at the end of the 20th century and present century, there were held a significant number of international scientific forums dedicated to the anniversaries of the end of the European Wars, which clearly demonstrated the broadcast and perception of peace congresses in wide sections of society (*Duchhardt, 2019, p. 3; Friedensbilder in Europa..., 2013, p. 11; Bussman & Schilling, 1998; Dingel et al., 2018; Köhler, 2016; Bruin et al., 2015; Duchhardt & Espenhorst, 2013*). Researchers’ attention to the public representation of European congresses is very significant in the context of studying the assessments by contemporaries and descendants of key European events of the early Modern Time and commemorative practices. In the culture of the memory of that epoch, peace negotiations played no less, and perhaps even more, role than battles and wars.

To a large extent, mass consciousness feeds on catastrophes, changes, and triumphs. In this regard, the representation of Peace Congresses demonstrates considerable scientific interest and great benefit in the reconstruction of a complex historical panorama.

By the end of the War of the Spanish Succession (1701–1714) in 1713, peace became a reality in Europe. The results for Britain of the peace treaties signed in the spring and summer of 1713 in Utrecht are well known. Gibraltar, Minorca, Nova Scotia, the Hudson Bay territory, and “Sugar Island”—St Christopher—were passed to England. It also received the fishing rights in Newfoundland and the right of *asiento* in the Spanish colonies: the profitable trade of Negroes, at the backs of which capital would be accumulated for the industrial revolution, passed into the hands of British companies for 30 years. The destruction of Dunkirk cemented London’s dominance in the English Channel, and France and other powers recognized the inheritance of the English throne by House of Hanover (*Legg, 1925, p. 25; Brown, 1935, pp. 273–276, 364-365; Browning, 1953, pp. 885–889*). The peace treaties of Utrecht (1713), Rastatt and Baden (1714) which created an international order for the next half of the century was not only a result of physical and financial exhaustion of the main participants of the War, but also of its expected strength in territorial, political and legal relations.

The metaphor of a balance of power was the new “philosophy” of peace. In 1713, it was included in the texts of two treaties and in the work of the Abbe de Saint-Pierre, and became a legal postulate since that time. The established balance of power broke the hegemony of France in Europe, and removed the danger of a new “universal monarchy”, which had disturbed the minds of Europeans for half a century (*Duchhardt, 1987, p. 11; Bely, 1995, p. 223*). Already in Utrecht, however, it became quite apparent that in many ways London initiated the production of legal norms for “middle states” with a restriction of their resources and the control by the third party of any power’s aggression in Europe. Undoubtedly, it only strengthened the theory of British exceptionalism, to which creation poets made a significant contribution.

Materials and Methods

During the War of the Spanish Succession, the political scene of Albion became to the English poets also the European scene. There is a widely spread belief in literature that it was then possible to distinguish accurately Tories from Whigs by their relation to peace. Is that in any way true? For politicians, it was a distinct position, but creative people, in our case, English poets, could observe somewhat differently what was happening in the broader world.

I will not pursue a purely literary analysis of poems of 1713 in this article, but focus on their authors' perception of the Peace of Utrecht and their content. To do this, I use a systems approach and content analysis as well as a constructivist approach with an emphasis on practices in public history and the cultural history of feelings. First, I shall consider the poetic "occasions" that are marked by philological and historical research. Theoretically, poetic events were moments of praise and exaltation: effusions of loyalty to cultural leaders or to those who triumphed over circumstance and anchored national or cultural values of some demonstrable sort. The most important occasions for poetry were events that seemed both politically and nationally decisive. For example, the Duke of Marlborough's victory at Blenheim was one such event—there are 24 poems related to it, including those by John Philips and Joseph Addison. Another was the ensuing Peace of Utrecht, which was praised by Bevil Higgons, Joseph Trapp, Alexander Pope, Thomas Parnell, Thomas Tickell, William Waller, Samuel Wesley, Marshall Smith, Henry Crispe, Nicolas Tucker and, in addition, six anonymous poets (*Richetti, 2005, p. 184*).

Typically, poets publicly identified themselves with Whigs or Tories, with an individual patron or a group of patrons. In England, like in all of Europe, the patronage system was quite common in the Baroque and Enlightenment ages. The poets' opinion of the social events was generally known. Their rhetorical abilities were not overlooked, and they often reinforced political arguments with the help of beautiful words.

It is noteworthy that the patronage system and monetary support contributed to the fact that poets often did not write so much for society, but for a specific, individual reader in accordance with his interests in politics and the need to respond to the event of great importance. Poetry often acquired a semblance of propaganda, and poets were significant participants in public debates and discussions. However, not all the poetry of the time was ideological, and not all ideological poetry was politically directed. Nevertheless, the tendency to consider the social event as a poetic debt and related habit, the association of the majority of events with the practice of patronage and the patron's loyalty created a feeling that poetry was a practical and rhetoric art (*Richetti, 2005, p. 183–185*).

Recent papers note that works of both Tory and Whig tenor were similar in their political influence, the intentions of their authors and reflection on Great Britain's triumph, and that poems by the authors sympathizing with the Whigs at times even exceed poems by "Tory" writers, and were well patronized by Whig grandees. One of the researchers into Whig poetry, Abigail Williams, while recognizing that "aesthetics" was only about politics, even asked the question: why have such poems not survived in the canon of creative writing at the beginning of the 18th century? Williams believes that, in contrast to the 1680s, there was not a significant difference between the Whigs and Tories in the reign of Queen Anne. The Whigs, including poets, eagerly joined in the mockery of their friends, and, like the Tories, became increasingly

interested in “sociability” and “politeness” (*Williams, 2005, pp. 22, 204*). For example, Swift dedicated “Tale of a Tub” to Lord Somers, one of the most famous of the Whig patrons, and claimed all his life to be “a Whig in politics”; Pope tried hard, especially in his early years, to escape any political label, and maintained friendships with writers from both parties. Whig patrons were also ready to support poetry that did not have “a specific political agenda”. At the same time, there is another point of view on Pope. Robert Rogers focuses on the idea that Pope was a Stuart loyalist, and his poem “Windsor Forest” is consistently political, with pronounced Stuart and even Jacobite sympathies, and aspired to the continuation of the “golden age of the Stuarts” (*Rogers, 2005, p. 317*). Clearly, the debates about the political content of poems and their authors’ sympathies do not cease, and it is doubtful whether we should put an end to this situation. The vision of historians and philologists can be multi-angled. In any case, we are primarily interested in the reflection of a particular event in European history and its heroes. From the standpoint of systemic and normative-value approaches, this article attempts to analyze the representation of the Peace of Utrecht of 1713 in English poetry. The systemic approach allows to determine the place and role of Great Britain in the transformation of the system of international relations of the period under study and to identify the determinants that influenced the opinions of poets. Using the normative-value approach, one can clarify the significance of the conclusion of peace for Britain and European society.

Literature Review

The cultural and political interpretations of the Peace of Utrecht (1713) have become a central theme in both historical and literary scholarship, uniting the perspectives of diplomatic history, cultural memory studies, and literary criticism. The works referenced in this study reveal how the evolution of peace culture in early modern Europe was intertwined with symbolic representation and ideological discourse. In this respect, the research conducted by Heinz Duchhardt (1987; 2019) and his collaborators (*Duchhardt & Espenhorst, 2013; Dingel et al., 2018*) has been foundational. Duchhardt’s concept of *Friedens-Miniaturen* (2019) and his exploration of *Krieg und Frieden im Zeitalter Ludwigs XIV* (1987) provided a historiographic model for studying peace as a performative and representational act rather than solely a juridical instrument. He demonstrated that peace congresses such as Münster, Nijmegen, and Utrecht were not merely diplomatic but also cultural events that established ceremonial and aesthetic frameworks for the legitimization of power.

This cultural perspective has been extended in the collective works *1648—Krieg und Frieden in Europa* (*Bussman & Schilling, 1998*) and *Theatrum Belli—Theatrum Pacis* (*Dingel et al., 2018*). Both volumes examined the interconnection between the iconography of peace and the rhetorical and artistic mechanisms of early modern diplomacy. They established the methodological premise for analysing visual and textual representations of peace—what later studies would identify as the “semiotics of peace”. Similarly, the exhibition catalogue *Friedensbilder in Europa 1450–1815* (2013) conceptualised the *art of diplomacy* as a cultural phenomenon that merged political negotiation with symbolic communication, thus aligning diplomatic ritual with artistic production.

The notion of peace as *representation* was further developed by Köhler (2016), who emphasised the strategies and symbolic practices of negotiation at the Congress of Nijmegen,

and by Klesmann (2007), whose research into *Bellum solemne* clarified how early modern declarations of war and peace functioned as codified legal performances. Together, these German scholars articulated a multidisciplinary framework for studying the performative dimension of peace that underpins Ivonina's analysis of the Utrecht Peace as an artistic and poetic phenomenon.

The British historiographical tradition also contributed significantly to understanding the political implications of the Peace of Utrecht. Legg's *British Diplomatic Instructions 1689–1789* (1925) and Brown's *The Letters and Diplomatic Instructions of Queen Anne* (1935) remain key documentary sources for reconstructing the political background of the 1713 treaties. These editions, complemented by Browning's *English Historical Documents* (1953), illuminate the institutional and ideological dimensions of Queen Anne's foreign policy and the mechanisms through which diplomacy shaped national identity in Britain. The correspondence of Alexander Pope, meticulously edited by Sherburn (1956), provides a parallel insight into the intellectual milieu of Queen Anne's reign, in which literary production mirrored political debates about war, peace, and moral order.

The interdisciplinary dialogue between diplomatic history and literary studies is evident in Richetti's *Cambridge History of English Literature, 1660–1780* (2005) and Weinbrot's *Cambridge History of British Literature from Dryden to Ossian* (1993). Both authors situate 17th-century and 18th-century English poetry within the context of ideological transition from Restoration absolutism to Enlightenment rationalism. They interpret the poetic responses to the War of the Spanish Succession as reflections of evolving concepts of national mission, moral virtue, and civic humanism. Within this framework, the Peace of Utrecht emerges as a discursive symbol that allowed poets to negotiate between patriotism and cosmopolitanism. The same thematic balance informs the analysis by Williams (2005), who investigates how Whig and Tory poets constructed distinct literary cultures yet shared a common rhetoric of sociability and "politeness". Her research challenges the traditional binary of Whig versus Tory poetry by revealing the mutual permeability of their aesthetic and ideological agendas.

Robert Rogers (2005) deepens this discussion by analysing Pope's *Windsor Forest* as a political allegory that embodies Stuart loyalism and Tory pastoral ideology. He argues that the poem transcends mere party propaganda and articulates a universal principle of harmony rooted in the classical notion of *concordia discors*. This interpretation aligns with Duffer's (1988) reading of Pope's work as both political and pastoral: a vision of peace as the natural culmination of divine and social order. Together, these scholars elucidate the symbolic interplay between politics, nature, and morality in early Enlightenment literature.

Aestheticised representations of peace were not confined to Pope alone. Studies by Cummings (1988) and Williams (1987) show that Addison's and Tickell's works—especially *The Prospect of Peace* and *Cato*—embody the rhetorical transformation of military triumph into civic virtue. In *Cato*, Addison juxtaposes the sacred imperative of peace with the tragic obstinacy of war, thereby framing the Treaty of Utrecht within a moral-philosophical discourse on liberty and reason. Cummings (1988) emphasises Addison's ambivalence toward Tory triumphalism while recognising the unifying cultural sentiment that accompanied the cessation of war. Williams (1987) adds that Pope's "painted scene" aestheticised the peace process by blending allegory, landscape, and political theology, turning Windsor Forest into a metaphor for cosmic and civil

concord.

The literary representation of peace also intersects with the economic and social transformations of early 18th-century Britain. In the poems of Trapp (1713), Higgons (1713), Parnell (2024), Tickell (1713), and Waller (1713), the Peace of Utrecht is portrayed as the foundation of national prosperity and commercial freedom. Their emphasis on trade, navigation, and maritime symbolism—echoing the metaphors of “ships”, “oceans”, and “winds”—corresponds with the emerging discourse of *Pax Britannica*, in which economic productivity replaces military conquest as the measure of greatness. These poetic tropes mirror the socio-economic realities recorded in contemporary documents (Brown, 1935; Legg, 1925) and prefigure Britain’s eighteenth-century transition toward global mercantile hegemony.

From a comparative standpoint, the poetic reactions to peace in Britain can be situated within a pan-European framework of representation. Bely (1995) and Duchhardt (2019) note that continental intellectuals perceived peace congresses as “theatres of civilisation,” where nations performed their political maturity. This metaphor of theatricality—further explored by Dingel et al. (2018) in *Theatrum Belli – Theatrum Pacis*—helps contextualise English poetic responses as part of a broader cultural diplomacy that visualised peace through spectacle, art, and language. Ivonina’s reliance on these works underscores her methodological synthesis of cultural history, public history, and affect theory, particularly in analysing the “emotional history” of peace celebrations.

Parallel developments in legal and political theory also inform the literary discourse. The works of Klesmann (2007) and Duchhardt (1987) highlight how the codification of peace in the early modern period transformed political legitimacy into a performative act. Their findings complement the constructivist and systems approaches adopted in recent historiography, bridging the gap between diplomatic ritual and the cultural semantics of representation. Within this paradigm, poetry operates as a discursive medium that both documents and shapes the collective consciousness of peace.

The interrelation of diplomacy and poetics reaches a distinctive expression in Brunstrom’s (2014) analysis of Matthew Prior. Brunstrom shows that Prior’s dual role as poet and diplomat epitomises the merging of artistic sensibility with political pragmatism. His phrase “In Prose and Business lies extinct and lost” encapsulates the tension between bureaucratic responsibility and poetic vocation, demonstrating how diplomacy itself could become an aesthetic practice. This insight complements Ivonina’s view that the Utrecht Peace represented a cultural performance as much as a political settlement.

Equally, the contemporaneous poetic corpus—including works by Smith (1713), Crispe (1713), Wesley (1713), and Newcomb (1713)—illustrates how writers translated legal and diplomatic concepts into accessible moral allegories. The repetitive invocation of divine sanction and maritime imagery symbolised a new moral economy in which commerce and virtue were mutually reinforcing. Such texts anticipate later Enlightenment ideals of rational internationalism and balance of power, as theorised by the Abbé de Saint-Pierre and embedded in the treaty language itself (Duchhardt, 1987; Bely, 1995).

Collectively, the cited scholarship and poetic sources reveal that the representation of peace in early eighteenth-century Britain was not confined to political discourse but permeated artistic, theological, and emotional registers. Historians and literary critics alike (Duchhardt, 1996–2019;

Richetti, 2005; Rogers, 2005; Williams, 2005) concur that the Peace of Utrecht marked a shift from the rhetoric of victory to that of reconciliation, from martial heroism to civic virtue. The intertextual synthesis of historical documentation and poetic expression thus serves as an interpretive key to understanding the emergence of a European consciousness of peace—one that foreshadowed Enlightenment humanism and the ideological foundations of modern international relations.

Results

The conclusion of agreements in Utrecht caused a storm of emotions in Great Britain, expressed in poems dedicated to the peace treaty. These works, most of which contain a form of propaganda, put a final end to the political debates of continuing the war of the Spanish Succession and introduced new ideas. What were these ideas? I will consider this with the most notable poems—both in the political and historical as well as in the poetic and emotional aspects.

Joseph Trapp (1679–1747) was an English clergyman, academic and the first Oxford Professor of Poetry. His poem “Peace” was dedicated to Henry St John, Viscount Bolingbroke, whose chaplain he became in 1712, a position Swift had held. On April 1, 1713, Swift would not dine with Bolingbroke because he expected to “look over a dull poem” of Trapp’s. Nevertheless, afterwards he did correct the poem, printed anonymously at Dublin, which was put to music by William Croft. Indeed, Trapp’s poem was like a song. “It’s done! Great job done! Britain today is so wise, as great!” This is the beginning of Trapp’s poem, after which he immediately evaluated the positions of Britain, Queen Anne and the work of his patron.

The plot of the poem continues in this vein: for a long time, her sons had died for Belgian greed and Austrian pride, suffered combat fire, but then the just “Patriots of Britain” united strongly against the warlike forces of the Earth and the Sky. The author appreciates the military achievements of the hero (the Duke of Marlborough), who won on the battlefields of the War of the Spanish Succession. However, the poet also recognizes their terrible price (especially referring to the bloody battle of Malplake on September 11, 1709), and asks why the brave British, who had gained a triumph, had to destroy what could be saved? Trapp believes that the more glorious hero is he who “saved us [the British] from our own Victorious Arms”, i.e. to say “More Courage shewn in Making Peace than War.”

The real heroes were the Queen Anne and her wise counsellors. In the complex restoration of balance in the world and order in the warring countries the poet saw the power and wisdom of Anne, her superiority over other monarchs, awaiting their fate at her throne. Thus, he emphasized the leading role of London in the Congress of Utrecht. Anne is the arbitress of all states; she preserves the balance in strong hands and manages a variety of interests. The great King Louis is proud of her friendship:

*While States averse to Peace in Feuds engage
And frugging Nations obstinately rage
Supreme and Eminent Great Anna stands
And holds that Balance with unbarring Hands[...]
Tho’ by Hir Frienschip mighty Louis grac’d
With Joy the Happy Pledge of Peace embrac’d [...]*

Trapp prized the work of Anne’s supporters—British ministers and diplomats, who were

concerned with preparation of the peace treaty, Bolingbroke, Oxford, Shrewsbury, Strafford, Bristol, etc. For example, Anne's minister, the brilliant Bolingbroke, graced the court of the French King:

The boasted Elegance of France out don

By Anna's Minister and Britain's Son [...]

And it is difficult to wish for a larger contribution, or a longer experience at foreign courts, and the fair strength and fire of loyal Strafford:

What in a Colleague could be more desire

Than Loyal Strafford's prudent Force and Fire?

By long Experience vers'd in Foreign Courts,

He aids their Sovereigns, and his own supports. (Trapp, 1713)

The political sympathies of Bevil Higgons were more than obvious. The son of Sir Grenville and first cousin of Count Grenville, he originated from a Jacobite family, and followed former King James II into exile in France after 1688. And yet, he was not imbued with the French spirit and in his poem about the Peace, devoted to the Earl of Oxford, he says that Britain whose "Blood like Water spilt" could but be saved when "[...] balmy Peace her Wounds cou'd only heal." Bourbon (King Louis) should listen to the verdict of the British Queen, and after that the belligerent countries will put on peaceful clothes:

Attend, O Bourbon, and receive thy Doom,

From Britain's Queen by Heav'n's Command I come.

In Peace let Austria wear his Iron Crown,

The trembling Lombard dread his awful Frown.

His dear-bought Lands let crafty Savoy keep,

And underneath his Alpes in Safety sleep. [...]

By strong Barriers let Belgia guarded be,

And only fear her ancient Foe the Sea;

Then lasting Friendship shall your Nations join,

And Bourbon be preferr'd to Austria's Line [...]

Like Trapp, the poet praises the sanity and strength of the British Queen—all nations wait for her solution:

[...] Thy QUEEN has triumph'd more

Now by her Goodness, than her Arms before;

Expecting Nations her Decision wait,

Let her Decrees be mine, and Europe's Fate.

Britannia's QUEEN to Tenderness inclin'd,

Assumes to France a more pacifick Mind [...]

Higgons emphasized the patience and wisdom of the Earl of Oxford and Viscount Bolingbroke, who led to the conclusion of the glorious peace:

This Harley saw, and touch'd with gen'rous Grief,

Flew to his Country's, and his QUEEN's Relief;

Him St. John follow'd, proud to be Disgrac'd,

With Harcourt join'd, the Gen'rous Cause embrac'd.

It is noteworthy that Higgons mentioned the economic consequences of the Peace of

Utrecht: Anna broke up the clouds of war, and now traders would not be afraid of dangers, winds and seas. They were now under strong protection, and unknown nations would become Britain's friends:

*Here suppliant Crouds for ANNA Heav'n invoke,
For ANNA's Life the new-rais'd Altars smoak,
The Merchant now shall sail with every Breeze,
And fear no Dangers, but from Winds and Seas.
His yearly Fleets Silurian Harley sends,
And unknown Nations make Britannia's Friends. (Higgon, 1713)*

Thomas Parnell (1679–1718) is close in spirit to the first two above-mentioned poets. Parnell was born in Dublin into a wealthy family and became deacon in the Episcopal Church. He was member of the Scriblerus Club—an informal group of friends that included Jonathan Swift, Alexander Pope, John Gay, John Arbuthnot and Henry St. John. Robert Harley occasionally joined the club for meetings. Thomas Parnell's poem is dedicated to the Queen, because he identifies the peace concluded in 1713 as the peace of Anne. At the beginning of the poem, he called the Queen “mother of plenty and daughter of the sky”. For twelve years Britain had suffered from losses and blood, but with the help of her valiant arms Britain defeated the Gaul (France), which had pursued the idea of universal monarchy:

*Now twelve revolving years has Britain stood
With loss of wealth and vast expence of blood
Europa's Guardian; still her gallant arms
Secur'd Europa from impending harms.
Whilst Gaul, aspiring to erect a throne
O'er other empires, trembled for her own,
Bemoan'd her cities won, her armies slain,
And sunk the thought of universal reign.*

Parnell raised the issue of balance of power in the world, which was very urgent in international law at that time. He noted how difficult it was to rally the British allies. Having won the war and showing width and depth of thought, Anna acted as a guardian of public order and returned social values and peace:

*This done, the Guardian on the wing repairs
Where Anna sat revolving publick cares
With deep concern of thought. Unseen he stood
Presenting peaceful images of good
On Fancy's airy stage; returning Trade,
A sunk Exchequer fill'd, an Army paid,
The fields with men, the men with plenty bless'd,
The towns with riches, and the world with rest.*

As his colleagues, Parnell praises the faithful servants of the Queen—Oxford and Bolingbroke:

*Her Oxford prudent in affairs of state,
Profoundly thoughtful, manifestly great
In ev'ry turn, whose steady temper steers*

*Above the reach of gold or shock of fears [...]
These toils the graceful Bolingbroke attends,
A Genius fashion'd for the greatest ends [...]
When schemes are fix'd, and each assign'd a part,
None serves his country with a nobler heart [...]*

The poem is full of praises to the blessed Anne, who brought good fortune and abundance in all spheres of life:

*She comes the Blessing comes, where'er she moves
New springing Beauty all the land improves [...]
She comes the Blessing comes in easy state,
And Forms of Brightness all around her wait:
Here smiling Safety with her bosom bare
Securely walks, and chearful Plenty there;
Here wond'rous Sciences with Eagles sight,
There Liberal Arts which make the world polite,
And open Traffick joining hand in hand
With honest Industry, approach the land.*

The poet comes to the conclusion that the most important global value is peace ([Parnell, 2024](#)).

When the ministers of Queen Anne were negotiating with France, Tickell published “The Prospect of Peace”, a poem which aimed at reclaiming the nation from the pride of conquest to the pleasures of tranquillity. How far Tickell, whom Swift afterwards mentioned as “Whiggissimus”, had then connected himself “with any party I know not”—so said Samuel Johnson about one of the poets who had turned their creativity to the conclusion of peace. However, in the “Spectator”, Addison who was known for his Whiggish sympathies praised a poem by Thomas Tickell (1685–1740), the son of a clergyman and professor of poetry at Oxford. And rightly so, even if we take into consideration the statement of the same Johnson that “[...] The Haughty Gaul in ten campaigns o’er thrown, [was] a poem to be approved rather than admired.” ([Richetti, 2005, p. 193](#))

One of the most remarkable qualities of “The Prospect of Peace” was the fact that it praised the result of the Tory policy—peace. However, the military and diplomatic achievements leading to peace occurred while the Whigs were in office. And the distinctive feature of Tickell’s poem is its genuine, consistent character – way to peace is in its rhymes. In the poem there are no repetitions and unnecessary comparative images, which are characteristic of the above-mentioned authors, even if the poetic part of the work suffers from it. The protagonist of the poem is Britain.

Tickell writes that “His proud Bulwark smoaking on the Ground [...], his Legions did the Fight decline”, but “At Her Decree, the War suspended stands, And Britain’s Heroes hold their lifted Hands”. Describing the exploits of “proud heroes” in the field of war from Flanders to Germany, Tickell does not forget them:

*Our eager Youth to distant Nations run,
To visit Fields, their valiant Fathers won;
From Flandria’s Shore their Country’s Fame they trace,*

Till far Germania shows her blasted Face.

Heroes are all those who had contributed to the victory of England in the War of the Spanish Succession: the diplomat Stepney, the Duke of Marlborough, the “Holy” Bishop of Bristol, Lord Grenville, Robert Harley etc. Spreading the influence of his strong and fair Queen all over the world to those who want her friendship, Tickell thinks on a large scale. Into this world—as one of the first among English poets—he included Russia, a mighty great power that needed to be civilized:

*Who conquers, wins by Brutal Strength the Prize;
But 'tis a Godlike Work to civilize.
Have we forgot how from great Russia's Throne
The King, whose Pow'r half Europe's Regions own,
Whose Sceptre waving, with one Shout rush forth
In Swarms the harness'd Millions of the North,
Through Realms of Ice pursu'd his tedious Way
To court our Friendship, and our Fame survey! [...]
His Bands now march in just Array to War,
And Caspian Gulphs unusual Navies bear;
With Runick Lays Smolensko's Forests ring,
And wond'ring Volga bears the Muses sing.*

Evidently, “Churchill’s sword “first of all delivered the “imperial diadem to Godlike Anna”, a halo shining around her head, but peace and “European freedom” were achieved by the cost of blood.

*Accept, Great ANNE, the Tears their Mem'ry draws,
Who nobly perish'd in their Sov'reign's Cause:
For Thou in Pity bid'st the War give o'er,
Mourn'st thy slain Heroes, nor wilt venture more.
Vast Price of Blood on each victorious Day!
(But Europe's Freedom doth that Price repay.)*

Anna decides fates of nations in a hundred languages. Savage Indians “swear by ANNA’s Name”, Poles “shall own thy rightful Sway”, and Louis buys her friendship with “the mighty Prize”. But the peaceful achievement of the Queen would have been impossible without “faithful Nobles” and “guards of the Church” near her throne. Among them, Tickell singles out diplomats, the poet Matthew Prior, and the Bishops of Bristol, Strafford and Oxford (*Tickell, 1713*). Essentially, Tickell’s critics were right commending his poem as politically neutral.

Perhaps the most famous poetic essay, which came to be identified as allegorical equivalent for the Peace of Utrecht and the political debates surrounding this event, was the poem “Windsor Forest” by Alexander Pope (1688–1744), a Catholic by confession. Dedicated to George Grenville, Lord Lansdowne, a poet and politician involved in effecting the peace treaty, the poem celebrates the Tory rule in England as the height of civilization. Pope creates an allegorical story dedicated to the values of the Peace of Utrecht, and celebrates not only the fate of science, but also of the whole world. Why “Windsor Forest”? In the winter of 1712–1713, when the poet was preparing it for the press, he wrote to his friend John Caryll: “I am endeavouring to raise up around me a painted scene of woods and forests in verdure and beauty,

trees springing, fields flowering, Nature laughing.” (*Sherburn, 1956, p. 168*) However, to read the poem as a mere allegory is to misread it. In his praising of a harmonious Tory state, Pope gives us his pastoral vision of an idealized nature (*Duffer, 1988, p. 1*).

At the beginning of the poem—as a metaphor of political stability of post-war Britain—a forest landscape appears:

*Here Hills and Vales, the Woodland and the Plain,
Here Earth and Water seem to strive again,
Not Chaos-like together crush'd and bruis'd,
But as the World, harmoniously confus'd.*

In the forest prosperity reigns, including “industry” which “sits smiling on the Plains”. Pope considers it a result of the reign of Anna and the signing of peace: “Peace and plenty tell a Stuart reign”. Declaring this, the poet expresses his thoughts about the Utrecht: the Whigs had rejected Louis XIV’ offer of a peace treaty, and it was not until the Tories came to power that a treaty was signed and peace came to England. Thus, through Anne, the Tories returned peace to the country. Therefore, they brought plenty to England, not by way of conquest in the West Indies, as the Whigs would like to have done, but by favourable conditions for trade.

*Let India boast her plants, nor envy we
The weeping amber or the balmy tree,
While by our oaks the precious loads are borne,
And realms commanded which those trees adorn.*

Here the trees are British ships, or even the entire Stuart monarchy, since its traditional symbol is an oak. The poet is sure that the Tories did not only create a harmonious state but returned financial stability to England (*Pope, 1951, pp. 13–42*).

The poem can be read as a closely integrated expression of the doctrine of “concordia discors” as the desirable universal norm, a norm to which the benefits of the Peace of Utrecht are seen to conform. The idea that the numerous conflicts between the four elements in nature (air, earth, fire, and water) paradoxically create an overall harmony in the world can be traced back to the Greek philosophers: Pythagoras, Heraclitus, and Empedocles. The theory that reconciliation of opposites produces a harmony works in this poem as a fitting order for Windsor Forest. Pope sees it as the law of nature. In principle, taking the necessity for diversity, the poet manifests himself not only as a Tory: opposing forces (Whigs—Tories) should contain each other, and if one is absent, the harmony is disturbed.

He gives pastoral examples in the form of three hunting scenes, historically associated with the using of the forest in Hampshire for a royal hunt by William I the Conqueror. William established his order in the forest, and as a result the forest turned into a desert. Pope considers William the Conqueror’s rule as tyranny, and contrasts its despotic and savage nature to the new Stuart stability. Even the nickname of William—Nimrod (the traditional personification of a cruel hunter, tyrant and warlike man)—pointed to the absurdity.

By naming William I, a tyrant Pope had the opportunity to attack William III of Orange because they had much in common. Both were foreigners, both liked hunting and war, and even their deaths were hastened by riding accidents. The poet condemned the burden of taxes and heretical tendencies of Dutch theology under William:

Aw'd by his nobles, by his commons curst,

*Tb' Opressor rul'd Tyrannick where he durst,
Stretch'd o'er the Poor, and Church, his iron rod,
And served alike his Vassals and his God*

In contrast to William, Pope represents the succeeding monarch as pitying her subjects, observing the forest's laws and happily looking at peaceful villages. Anna replaced Nimrod of the Whig era.

*Britannia is godless, who rears
He cheerful Head, and leads the Golden years.* (Pope, 1951, pp. 73–76, 91–92)

Borrowing from Ovid's "Metamorphosis", in another hunting scene Pope gives a somewhat different interpretation of the famous myth of Pan and Syrinx. Competing with Olympus, the forest is full of deities. Syrinx was a nymph who lived in Arcadia, revered Artemis and strictly preserved her virginity. Once, Pan met the nymph and tried to chase her, but Syrinx ran to the river Ladon and begged her sisters, the naiads, to save her. Naiads transformed Syrinx into cane that mournfully sounded in the wind. Pan made a flute out of that cane, bearing the name of the nymph (in Greek syrinx means "flute"), and he loved this unpretentious tool.

Embodying the flow of the Thames, Lodona in the form of Syrinx goes on a hunt beyond the forest's boundaries, fires a desire in Pan and begins to flee from him. Pan overtakes her, rapes her, and then Lodona apologizes to the Goddess Diana the Huntress. This scene is both political and pastoral. Its pastoral meaning is an illustration of the necessity of harmony—nature has the capacity of violence when humans ignore natural limits. In a political sense, Lodona represents the Whigs continuing a war that has become a heavy burden for the British. Thus, they violated the harmony, which, in contrast, was embodied by the Tories concluding the Utrecht peace and reflecting the "concordia discourse" of the forest. Anne, who acts as a Diana of the woods, appears as a divine incarnation of the peace, as an earthly God, able to create order out of chaos:

*At length Great Anna said – let Discord cease,
She said, the World obeyed, and all was Peace.* (Pope, 1951, pp. 327–328; Williams, 1987, p. 60)

Anne roams Windsor Forest as a huntress, but as a peaceful one. She controls the process of hunting in accordance with the supreme law of nature—the order in a variety. Around her, there is a picture of economic prosperity shown by silver eels and golden carps in the river. In principle, the poem represents man as an aggressive animal, personified in the images of William I and III.

Forest is an allegory, a microcosm of the universe, intended for the protagonist of Pope—his patron and inspirer of the poem, Grenville. An assured person, Pope shows him true life, emphasizing the benefits of peace, which promoted not only economic, but also spiritual and intellectual prosperity. Sir William Trumbull, a former Secretary of State, retires to Windsor Forest and transforms gradually from a statesman to an intellectual. In the forest, Trumbull studies chemistry, astronomy, religion, and other subjects by contemplation rather than by experience. His rejection of politics and war proves the merits of a harmonious life and a compromise between the Tories and the Whigs.

In another contemplative scene, an imaginary poet (here Pope keeps in mind Grenville himself, who was also a poet, and for whom it was time to leave politics and to turn to poetry) returns to Windsor Forest and asks the muse to help him find inspiration. Turning to them, Grenville embraces the end of the war and the return to the harmony of Windsor Forest as a

goal of contemplation and reflection. The muse calls him to glory the British monarchs who had won victories over France, and fought for the unity of the kingdom—Edward III, Henry VII, Edward IV, and others. Pope is proud of the fact that England had always surpassed France.

In the final part of the poem, London appears as centre for world trade uniting people and England as a model of prosperity in the world. The poem ends by “concordia discourse” in the world, the stability of which was provided by the Treaty of Utrecht (*Pope, 1951, p. 54; Duffer, 1988, p. 12–15*).

As a result of my review of Pope’s poem it should be added that it is difficult to attach a pure political label to the author. While praising the reign of the Tories, he glorifies peace, universal reconciliation and agreement, and unlike Trapp and Parnell, does not sing praises to major Tories like Oxford and Bolingbroke. Well-known was his friendship with the Whig writers Addison—he contributed to the staging of a play by Addison—and Steele.

Poems of the other above-mentioned authors praising the peace agreements, Queen Anne, Britain, or Oxford are no less solemn, and carry no fewer ideas. For example, the poem of a London customs officer Henry Crisp, who was inspired by the economic prospects of the Peace of Utrecht, was his only published work. Here one important feature characteristic to all poets who responded to the Utrecht Peace is worth noting. All of them emphasized British political and commercial supremacy in the world, based on the knowledge that England is ahead of other states in economic development. And peace is natural and beneficial for it. At the same time, common metaphors of peace in poetic language were water (river or ocean) and ships (Britain) as a sign of freedom of movement and the restoration of trade. The need for freedom was dictated by physical security, and so all warships should be converted into trading ships, the guns of which had been so far used only for fireworks. For example, Trapp’s ships “Greet alternate, all the Ocean o’er / And only in saluting Thunder roar”, Crispe’s ships “saluting Thunders rend the Sky”, while William Waller’s ships “vent their Thunder only to salute”. Wesley’s “A Hymn on Peace” shows the ships not carrying welfare to the world by war, but by return to trade, which is protected by a peace-loving God (*Trapp, 1713, p. 17; Waller, 1713, p. 7; Crispe, 1713, p. 13; Wesley, 1713, pp. 10–11; Smith, 1713*).

In the poems about peace, the poets used a positive “modern” argument—opposition of the constructive trade to the destructive “ancient” war. In fact, they illustrated the clash of “Pax Romana” and “Pax Britannica”, ethics of war and ethics of trade. Of course, “Pax Romana” was personified by France. In the poem “Pacata Britannica”, England has exceeded “Rome”, and leads the world into a new era:

*What she th’Old World’s Extremest Limits dren,
We make a Passage only to New;
Beyond her Fabled Pillars we prevail,
And triumph, where she trembled but to sail.*

A year later, an unknown poet, in a poem dedicated to Bishop John Robinson, said that the nations had fought with each other for a long time, but together with the “Europe Godlike Abitress”, the Bishop had reached what “Caesar by the Sword could scare obtain”. As can be seen, the Roman conquest and the British civilization are the antithesis of “peace-loving” Poets (*Newcomb, 1713, p. 7; The Congress..., 1714, p. 4; Weinbrot, 1993, p. 237*).

The analysis of the representation of Utrecht Peace in English poetry would be incomplete without mentioning two other well-known artists of the time—Joseph Addison and Matthew Prior.

Joseph Addison (1672–1719) responded to conclusion of peace creatively, but in a different way. His literary and political activity was associated with the Whigs: in 1704 he composed for the government a poem titled “Campaign” in honor of the victory of Marlborough at Blenheim. In the same year, Addison was appointed to the Appeal Commission, and a year later occupied the position of an assistant to the Secretary of State. In 1706, he accompanied Count Halifax in an important diplomatic mission to Hanover. Two years later, Addison was elected to parliament, and from 1708 to 1710 served as the Chief Secretary of the Irish Viceroy.

The Whigs considered the Treaty of Utrecht as “destructive to the freedom of Europe”—no wonder that the Tory poets highlighted in their poems the dictate of Britain in the world. After reading the “Windsor Forest”, Addison experienced an overwhelming grief because of its “aristocratic” conclusion (*Cummings, 1988, p. 143–158*). Addison premiered the tragedy “Cato” at Drury Lane on 14 April 1713 just a few days after the signing of the Peace of Utrecht amidst this foray of war and peace. It is no coincidence that the core of Cato is the conflict between those who seeks peace represented by Julius Caesar and the advocates of war under the leadership of Cato Uticensis. From its first performance, the play proved to be an immediate success and did not leave the English stage until the end of the century. “Cato” was enthusiastically accepted by all spectators, regardless of their party orientation: the Tories saw in the figure of Caesar an embodiment of the successful military leader, yet dangerous for the country (Marlborough), the Whigs praised Cato as a personification of courage, freedom and resistance to tyranny. Addison allowed the victorious Caesar to pursue peace while the defeated Cato seeks war. The events were taking place immediately after Caesar’s decisive victory at Pharsalus and Thapsus. With such decisive victories Caesar did not need to court the defeated and weak Cato to accept his peace proposal. However, Caesar displays unrelenting determination to procure peace in the face of Cato’s adamant rejection. By 1710, England was in a position similar to that of Caesar. Like Caesar England’s forces had achieved decisive victories in several battles. In spite of England’s advantageous military position, the Queen and her minister Oxford were determined to achieve peace and sign the Treaty of Utrecht.

Before Caesar’s peace proposal is revealed, Addison stresses that peace is the sacred demand of the gods. Cato’s friend and ally, Lucius, urges the Senate to accept peace:

*My thoughts, I must confess, are turned on peace.
Already have our quarrels filled the world
With widows and with orphans: Scythia mourns
Our guilty wars, and earth’s remotest regions
Lie half unpopulated by the feuds of Rome.
’Tis time to sheathe the sword and spare mankind.
It is not Caesar but the gods, my fathers,
The gods declare against us and repel Our vain attempts.
Now let us show submission to the gods. (*Bruin et al., 2015, p. 123–141*)*

By Addison, Caesar is the instrument of the gods who executes their victorious wars and procures their wishes for peace. Thus, peace becomes a sacred mission that has to be embraced

and accomplished. War, on the other hand, is dramatized as the tragic choice of Caesar's opponents. Cato, who promotes war, is defeated on both military and moral levels. At the same time, Addison's position is complex; not in vain there were the critical evaluations of the tragedy, reproaches regarding rhetorical aspects and ambiguity. Life, peace, and love do win in the play, and political defeat does not mean the loss of values of life.

Matthew Prior (1664–1721) did not write a poem about the Peace of Utrecht, but his work as a diplomat directly related to this event. The son of a Nonconformist, he is one of those who emerge from obscure origins to great eminence. He was educated at Westminster School and then at St. John's College, after which he took his BA degree and wrote poetry. One of his schoolfellows and friends was Charles Montagu, 1st Earl of Halifax. Thanks to Montagu, Prior became secretary to the embassy in The Hague, took part in the conclusion of the Peace of Ryswick in 1697 and in the signing of the Partition Treaties in 1698–1700. His poetic talent however was doubted by Pope. When Halifax was impeached, Prior voted on the Tory side and, therefore, did not participate practically in the diplomatic activities until 1710. After the return of the Tories to power in that year, Prior held a prominent position in all bilateral negotiations with the French court and in the conclusion of peace between England and France. It is no accident that the Treaty of Utrecht was often called "Matt's Peace" in political circles. Perhaps fatigue and the pressure of diplomatic work contributed to his lack of response to the conclusion of the Peace. Moreover, a significant factor may have been the lack of appreciation from his colleagues to his verses on the occasion of the victory of the Duke of Marlborough at Blenheim in 1704, and a poem in honour of the victory of the same commander at Ramilli in 1706 (written entirely in the Whig spirit). Comparison of Marlborough with an eagle bearing the thunder of Jupiter was considered as light-minded and futile:

*High as Olympus I my flight will raise,
And latest times shall in my numbers read
Anna's immortal fame and Marlborough's hardy deed.
As the strong eagle in the silent wood,
Mindless of warlike rage and hostile care,
Plays round the rocky cliff or crystal flood,
Till by Jove's high behests call'd out to war [...] (Prior, 1704; Prior, 1706)*

In fact, Prior wished no wisdom as a statesman, but elegance as a poet. He apologized for his poetry by claiming that his hours were absorbed by public business, the business of diplomacy. The apology is of course itself, highly diplomatic. Diplomacy, far from annoyingly "interrupting" his career as a poet, defined his most successful and mature works ([Brunstrom, 2014](#)).

Discussion

As a result, I can conclude that in this period the relations between war and peace tended to have legal justification, and gravitated to the principles of justice and legitimacy. They went hand in hand with studies in the field of international law and propagandist works, part of which was poetry. The peace treaties, as, in fact, a declaration of war, were seen as a key category of fixed boundaries between war and peace, stability and chaos ([Klesmann, 2007](#)).

The long years of conflict paradoxically forged a growing sense of "Europe" as an

international society, and artistic depictions of the Treaty of Utrecht highlighted both the European character of the Peace as well as the proto patriotic sentiments that it stirred. The perception of the Utrecht Peace by English poets, who responded to this event, was emotionally positive, and their poems dedicated to this occasion differed only in style. They had to provide corresponding representation of this important act for England and to glorify her heroes. It is noticeable that some poets glorified the act of the peace and its architects, in contrast with previous military actions, while others made it clear that its heroes—military commanders and diplomats—created the foundation of the Peace of Utrecht during the war. The most successful poetic perception of the Peace of Utrecht were surely “Windsor Forest” by Pope, and politically neutral—“The Prospect of Peace” by Tickell.

The authors of poems could at the same time be guided by political beliefs, by career considerations, and personal emotions—peace is always welcome! But regardless of party dependency, the poets carried out the main political idea in their writings—the idea of British superiority and a peaceful way to achieve one. The Tory Peace was also praised by poets tending towards Whiggism. Thus, the Utrecht Peace was an event not only of political, but also of human and universal importance.

On the whole, the long years of the War of the Spanish Succession have contributed to the growing perception of Europe as an international community, and the literary representation of Peace appeals to a return of material well-being and affluence for subjects and cordial relations between sovereigns. Moments of pacification are symbols in their right.

Conclusion

The conducted research on the poetic representation of the Peace of Utrecht (1713) in English literature demonstrates that this event functioned not only as a major political and diplomatic act but also as a significant cultural phenomenon that found vivid reflection in early eighteenth-century poetry. The peace congresses of the Westphalian system served a dual function—juridical and symbolic—establishing a new international order while simultaneously representing the political power and cultural dignity of the participating states. For English society and its intellectual elite, the Treaty of Utrecht signified not merely the end of the long War of the Spanish Succession but also the consolidation of the national idea of British supremacy, which determined the general pathos of the poetic discourse of the time.

The poets’ perception of peace transcended the boundaries of partisan ideology dividing Tories and Whigs. As the analysis of the works of Joseph Trapp, Bevil Higgons, Thomas Parnell, Thomas Tickell, and Alexander Pope shows, they were united by a desire to interpret peace as the highest expression of state reason, humanism, and the triumph of order over chaos. Despite the political sympathies of their authors, the central idea was the glorification of peace as the foundation of Britain’s prosperity and well-being. For some poets, Queen Anne embodied the image of a wise ruler who ensured European harmony (Trapp, Parnell); for others, she appeared as the supreme arbiter restoring the balance of power among nations (Higgons, Tickell). In Pope’s *Windsor Forest*, Anne is elevated to the level of a divine peacemaker, while peace and prosperity are depicted as the natural state of both nature and humankind.

An important outcome of the study lies in identifying a general intellectual tendency in English poetry of the 1710s—a synthesis of political discourse, civic pathos, and allegorical

symbolism. Images of the forest, the sea, ships, rivers, and deities of peace served as metaphors for the new economic and cultural reality of Britain, where trade and progress were opposed to the destructive wars of the Old World. The poets thus constructed a poetic model of Pax Britannica, emphasizing the country's historical mission as the guardian of equilibrium in Europe. The aestheticisation of peace and its heroes became an instrument of national identity and a subtle form of political propaganda.

Equally significant is the emotional and personal dimension of these works. In the poems of Trapp, Parnell, and Higgons one finds recurring motifs of relief, gratitude, and hope—mirroring the collective sentiment that accompanied the end of war. For the English intelligentsia of the early eighteenth century, peace represented not only diplomatic victory but also moral renewal. Within this context, Pope's creativity occupies a distinctive position: he transformed a political event into a philosophical parable about harmony in nature and society, where peace emerges as an inherent law of existence.

Even Whig poets, often critical of the "Tory peace," ultimately perceived the Treaty of Utrecht as a national achievement. The works of Tickell and Addison reflect a striving for reconciliation and for Britain's civilising mission in Europe. The literary process of the early eighteenth century thus reveals a gradual formation of a national consensus grounded in the idea of peace as the highest form of political wisdom and cultural progress.

The analysis of poetic representations makes it possible to conclude that the Peace of Utrecht became a point of intersection between artistic creation, political ideology, and cultural memory. The poets interpreted it not only as a specific historical act but also as a metaphor for the transition from an age of war to an age of rational statecraft. The poetic image of peace performed the function of collective self-identification: Britain appeared not simply as a victor but as a moral leader capable of establishing a just order on the continent.

In a broader historical and cultural perspective, this reflects the emergence of a new model of public consciousness in which the concept of peace acquired juridical, ethical, and aesthetic dimensions. In the poets' understanding, peace was not merely a diplomatic treaty but also a state of inner harmony—a symbol of national maturity and civic responsibility. This constitutes the key innovation of the literary representation of the Peace of Utrecht: the fusion of political and moral principles, and the affirmation of concord as the supreme value of civilisation.

Thus, the poetry of Queen Anne's reign reflects Britain's transition from a feudal-dynastic to an Enlightenment model of political thought, in which the poet's word becomes an instrument of social concord and peaceful coexistence among nations. The Peace of Utrecht, embodied in poetic imagery, was not only the diplomatic outcome of the War of the Spanish Succession but also the spiritual emblem of a new European order founded upon the principles of justice, balance of power, and mutual respect among states.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest.

References:

Bely, L. (1713). *Méthodes et perspectives dans l'étude des négociations internationales à l'époque*

- moderne. L'exemple d'Utrecht. In R. Babel (1995), *Frankreich im europäischen Staatensystem der frühen Neuzeit*. Sigmaringen, Jan Thorbecke Verlag. (In Ger.)
- Brown, B. C. (Ed.). (1935). *The letters and diplomatic instructions of Queen Anne*. London: Cassell and Company.
- Browning, A. (Ed.). (1953). *English historical documents* (vol. VII). New York: Oxford University Press.
- Bruin, R. E. de, Haven, C. van der, Jensen, L., & Onnekink, D. (Eds.). (2015). *Performances of Peace: Utrecht*. Leiden: Brill.
- Brunstrom, C. (2014). "In Prose and Business lies extinct and lost": Matthew Prior and the Poetry of Diplomacy. *Digital Defoe: Studies in Defoe & His Contemporaries*, 6.
<https://digitaldefoe.org/2014/10/30/in-prose-and-business-lies-extinct-and-lost-matthew-prior-and-the-poetry-of-diplomacy/>
- Bussman, K. von, & Schilling, H. (Ed.). (1998). *1648-Krieg und Frieden in Europa* (Vol. 2). München: Bruckmann. (In Ger.)
- Crispe, H. (1713). *On the Honourable Board of Commissioners of Her Majesty's Custom-House London; in the Year of Peace, 1713*. London: J. Morphew.
- Cummings, R. (1988). Addison's "Inexpressible Chagrin" and Pope's Poem on the Peace. *The Yearbook of English Studies*, 18, 143–158.
- Dingel, von I., Paulmann, J., Schnettger, M., & Wrede, M. (Eds.). (2018). *Theatrum Belli — Theatrum Pacis. Konflikte und Konfliktregelungen in frühneuzeitlichen Europa*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. (In Ger.)
- Duchhardt, H. (1987). *Krieg und Frieden im Zeitalter Ludwigs XIV*. Düsseldorf: Schwann. (In Ger.)
- Duchhardt, H. (2019). *Friedens-Miniaturen. Zur Kulturgeschichte und Ikonographie des Friedens in der Vormoderne*. Munster: Aschendorff Verlag. (In Ger.)
- Duchhardt, H. von, & Espenhorst, M. (Eds.). (2013). *Utrecht-Rastatt-Baden 1712-1714. Ein europäisches Friedenswerk am Ende des Zeitalters Ludwigs XIV*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht. (In Ger.)
- Duffer, A. K. (1988). *"At once the Monarch's and the Muse's Seats": The Political and Pastoral in Windsor Forest*. Muncie: Ball State University Press.
- Friedensbilder in Europa 1450–1815. Kunst der Diplomatie, Diplomatie der Kunst. (2013). Berlin-München: Deutscher Kunstverlag. (In Ger.)
- Higsons, B. (1713). *A poem on the Peace. Inscribed to the most Honble Robert, Earl of Oxford, and Earl Mortimer, Lord High-Treasurer of Great Britain*. London: John Morphew.
- Klesmann, B. (2007). *Bellum solemne. Formen und Funktionen europäischer Kriegsklärungen des 17. Jahrhunderts*. Mainz: Zabern. (In Ger.)
- Köhler, M. (2016). *Strategie und Symbolik. Verhandeln auf dem Kongress von Nimwegen*. Köln–Wien: Weimar–Böhlau. (In Ger.)
- Legg, L. G. W. (Ed.). (1925). *British Diplomatic Instructions 1689–1789* (Vol. 2). London: Royal Historical Society.
- Newcomb, Th. (1713). *Pacata Britannica. A panegyrick to the Queen, on the Peace, and the interest of British nation*. London.
- Parnell, Th. (2024). On Queen Anne's Peace, London 1713. *Poem Hunter*.
<http://www.poemhunter.com/poem/on-queen-anne-s-peace-anno-1713/>
- Pope, A. (1951). Windsor Forest. In W. K. Wimsatt (Ed.), *Alexander Pope: selected Poetry and Prose*. New York.
- Prior, M. (1706). *An Ode – Humbly inscribed to the Queen, on the glorious success of Her Majesty's arms. An ode, humbly inscrib'd to the Queen. On the late glorious success of her Majesty's arms*. Written in imitation of Spencer's stile. London: Jacob Tonfon.
- Prior, M. (1704). *A Letter to Monsieur Boileau Despreaux, occasioned by the victory at Blenheim*. London: Jacob Tonfon.
- Richetti, J. (Ed.). (2005). *The Cambridge history of English literature, 1660–1780*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rogers, R. (2005). *Pope and the destiny of the Stuarts: History, politics, and mythology in the Age of Queen Anne*.

- Oxford: OUP.
- Sherburn, G. (Ed.). (1956). *The correspondence of Alexander Pope* (Vol. 1). Oxford: Oxford University.
- Smith, M. (1713). *On the peace: a poem Humbly inscrib'd to the most Honourable the Earl of Oxford and Mortimer, Lord High Treasurer of Great-Britain, &c.* London.
- The Congress. A Poem. Inscripted to the Right Reverend John, Lord Bishop of London. (1714). London.
- Tickell, Th. (1713). *A poem, on the prospect of peace. A poem, to his excellency the Lord Privy-Seal, on the prospect of peace*, London.
- Trapp, J. (1713). *Peace. A poem: Incribed to the Right Honourable the Lord Viscount Bolingbroke*. S. P. [Stephen Powell] for J. Hyde.
- Waller, W. (1713). *Peace on Earth. A congratulatory Poem*. London: John Morphew.
- Weinbrot, H. D. (1993) *The Cambridge history of British literature from Dryden to Ossian*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wesley, S. (1713). *A hymn on peace. To the Prince of Peace*. London: J. Leake.
- Williams, A. (2005). *Poetry and the creation of a Whig literary culture, 1681–1714*. Oxford: OUP.
- Williams, R. W. (1987). Pope and the “Painted Scene”. *Sydney Studies in English*, 13, 39–60.

Ивоина, Л. И. Репрезентация Утрехтского мира 1713 года в английской поэзии // Actual Issues of Modern Science. — European Scientific e-Journal. — 2025. — № 39. — Т. 2. — С. 30–51. Острова.

TOI: his2025-10-x1 DOI: 10.61726/3856.2025.98.54.001

Статья будет опубликована в Crossref, ICI Copernicus, BASE, Zenodo, OpenAIRE, LORY, Academic Resource Index ResearchBib, J-Gate, ISI International Scientific Indexing, ADL, JournalsPedia, Scilit, EBSCO, Mendeley, eLibrary, and WebArchive databases.

Людмила Ивановна Ивоина, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, Смоленский государственный университет. Смоленск, Россия.

ORCID 0000-0002-7230-0518

Репрезентация Утрехтского мира 1713 года в английской поэзии

Аннотация:

Во время формирования Вестфальской системы (1648–1815 гг.) мирные конгрессы были не только общим переговорным процессом, но и местом репрезентации значения и культуры каждого государства. В статье представлены наиболее яркие примеры репрезентации мирного Конгресса в Утрехте 1713 года в английской поэзии начала века Просвещения. Во время войны за Испанское наследство (1701–1714 гг.) политическая сцена Британии стала для английских поэтов и европейской сценой. В литературе широко распространено убеждение, что тогда можно было безошибочно отличить поэтов-тори от поэтов-вигов по их отношению к миру. Автор статьи ставит под сомнение эту точку зрения и акцентирует внимание на восприятии поэтами Утрехтского мира и содержании их поэм. Восприятие Утрехтского мира английскими поэтами было эмоционально позитивным, а их поэмы призваны были дать соответствующую репрезентацию этого важного для Британии события и прославить её героев. Примечательно, что одни поэты славил сам акт мира и его архитекторов, контрастировавший с предыдущими военными действиями, а другие давали понять, что основа Утрехтского мира создавалась на войне его героями — военачальниками и дипломатами. Самым удачным поэтическим восприятием Утрехтского мира можно назвать «Виндзор Форест» А. Поупа, а политически нейтральным — «Перспективу мира» Т. Тикелла. Торийский мир восхваляли не только литераторы-тори, но и поэты, склонные к вигизму. Но независимо от партийных пристрастий поэты воплощали в своих произведениях главную политическую идею, наивысшим образом выражавшую их патриотизм и политическую лояльность, — идею британского превосходства. В целом, поэтическая репрезентация мира апеллирует к возвращению подданным материального благополучия и дружеским отношениям между государями.

Ключевые слова: война за Испанское наследство, Утрехтский мир, репрезентация, английские поэты, тори, виги, политика, карьера, эмоции, военные лидеры, дипломаты.

Введение

Изучение мирных конгрессов в период формирования Вестфальской системы (1648–1815 гг.) ставит перед исследователями не только задачу анализа меняющихся концепций международных отношений, но и рассмотрение новых общественных практик представления дипломатии в Европе. Мирные конгрессы были не просто процессом переговоров, но и пространством репрезентации значимости и культуры каждого

государства. По сути, европейский конгресс являл собой тщательно организованный триумф мира на континенте, требовавший значительных финансовых средств, широко освещавшийся в прессе и прославляемый в празднествах, живописи, поэзии, памятных медалях и даже в моде.

Проблематика мира всегда оставалась актуальной, однако с 1970-х годов, как отмечал известный немецкий учёный, директор Института европейской истории (Майнц) в 1996–2011 годах Хайнц Духхардт, она начала развиваться под влиянием «модного» направления. В историографии всё больше внимания уделяется культурной репрезентации мира. При этом подавляющее большинство публикаций по данной теме является результатом коллективных исследований, что объясняется её составным и междисциплинарным характером. Существуют также значимые работы, переосмысливающие значение отдельных конгрессов через исследование взаимосвязи между культурой и политикой. Кроме того, в конце XX и начале XXI века было проведено значительное количество международных научных форумов, посвящённых юбилеям окончания европейских войн, что наглядно демонстрировало восприятие и отражение мирных конгрессов в широких слоях общества [1; 7, с. 3; 11, с. 11; 14; 17; 27; 30]. Интерес исследователей к публичной репрезентации европейских конгрессов имеет большое значение в контексте изучения восприятия современниками и потомками ключевых событий раннего Нового времени и памятных практик. В культуре памяти той эпохи мирные переговоры играли не меньшую, а возможно, и большую роль, чем сражения и войны.

В значительной степени массовое сознание питается катастрофами, переменами и триумфами. В этом отношении репрезентация мирных конгрессов представляет собой значительный научный интерес и большую ценность для реконструкции сложной исторической панорамы.

К 1713 году, с окончанием войны за испанское наследство (1701–1714 гг.), мир стал реальностью в Европе. Результаты мирных договоров, подписанных весной и летом 1713 года в Утрехте, хорошо известны. Гибралтар, Минорка, Новая Шотландия, территория Гудзонова залива и «Сахарный остров» — Сент-Кристофер — перешли к Англии. Она также получила права на рыбную ловлю у Ньюфаундленда и право асьенто в испанских колониях: прибыльная торговля неграми, на которой впоследствии был накоплен капитал для промышленной революции, перешла в руки английских компаний сроком на тридцать лет. Разрушение Дюнкерка закрепило господство Лондона в Ла-Манше, а Франция и другие державы признали наследование английского престола домом Ганноверов [3, с. 25; 10, с. 885–889; 26, с. 273–276, 364–365]. Мирные договоры Утрехта (1713 г.), Раштадта и Бадена (1714 г.), установившие международный порядок на последующие полвека, стали результатом не только физического и финансового истощения основных участников войны, но и проявлением нового баланса в территориальных, политических и правовых отношениях.

Метафора баланса сил стала новой «философией» мира. В 1713 году она была включена в тексты двух договоров и в трактат аббата де Сен-Пьера, став с тех пор правовым постулатом. Установившийся баланс сил разрушил гегемонию Франции в Европе и устранил угрозу новой «всеобщей монархии», которая на протяжении полувека

тревожила умы европейцев [2, с. 223; 8, с. 11]. Уже в Утрехте, однако, стало очевидно, что во многом именно Лондон инициировал формирование правовых норм для «средних государств» — с ограничением их ресурсов и контролем со стороны третьих сторон над агрессией любой державы в Европе. Несомненно, это лишь укрепляло теорию британской исключительности, в создании которой немалую роль сыграли поэты своего времени.

Методы исследования и материалы

Во время Войны за испанское наследство политическая сцена Альбиона стала для английских поэтов также и европейской ареной. В литературе широко распространено мнение, что именно тогда можно было чётко различать тори и вигов по их отношению к миру. Так ли это на самом деле? Для политиков это было однозначное различие, но творческие люди, в нашем случае английские поэты, могли по-другому воспринимать происходящее в более широком контексте.

В данной статье автор не ставит целью проводить сугубо литературный анализ поэм 1713 года, а сосредоточусь на восприятии их авторами Утрехтского мира и на содержании этих произведений. Для этого автор использует системный подход и контент-анализ, а также конструктивистский подход с акцентом на практиках публичной истории и культурной истории чувств. Прежде всего, автор рассматривает поэтические «поводы», отмеченные филологическими и историческими исследованиями. Теоретически поэтические события представляли собой моменты восхваления и возвышения — проявления лояльности культурным лидерам или тем, кто одержал победу над обстоятельствами и укрепил национальные или культурные ценности в какой-то осязаемой форме. Наиболее важные поэтические поводы были связаны с событиями, которые воспринимались как политически и национально решающие. Например, победа герцога Мальборо при Бленгейме была одним из таких событий — ей посвящено 24 поэмы, в том числе Джона Филлипса и Джозефа Аддисона. Другим событием стал последовавший Утрехтский мир, который воспевали Бевил Хиггонс, Джозеф Трапп, Александр Поуп, Томас Парнелл, Томас Тикелл, Уильям Уоллер, Самуэль Уэсли, Маршалл Смит, Генри Крисп, Николас Такер и, кроме того, шесть анонимных поэтов [24, с. 184].

Как правило, поэты публично отождествляли себя с вигами или тори, с отдельным покровителем или группой покровителей. В Англии, как и по всей Европе, система покровительства была весьма распространена в эпоху барокко и Просвещения. Мнение поэтов о социальных событиях обычно было известно. Их риторические способности не оставались незамеченными, и они нередко усиливали политические аргументы красотой слова.

Следует отметить, что система покровительства и материальная поддержка приводили к тому, что поэты зачастую писали не столько для общества, сколько для конкретного, индивидуального читателя — в соответствии с его политическими интересами и потребностью откликнуться на событие большого значения. Поэзия часто приобретала характер пропаганды, а поэты становились заметными участниками общественных дебатов и дискуссий. Однако не вся поэзия того времени была

идеологической, и не вся идеологическая поэзия имела политическую направленность. Тем не менее, склонность рассматривать общественное событие как поэтический долг и соответствующая привычка, связь большинства таких событий с практикой покровительства и верностью покровителю создавали ощущение, что поэзия является практическим и риторическим искусством [24, с. 183–185].

В более поздних работах отмечается, что произведения как тори, так и вигов были схожи по своему политическому влиянию, намерениям авторов и отражению триумфа Великобритании, и что поэмы авторов, симпатизировавших вигам, порой даже превосходили произведения «тори»-поэтов и пользовались покровительством вигианской знати. Исследовательница вигской поэзии Абигейл Уильямс, признавая, что «эстетика» тех лет была неотделима от политики, даже задаётся вопросом: почему такие поэмы не сохранились в каноне художественной литературы начала XVIII века. Уильямс считает, что, в отличие от 1680-х годов, во времена правления королевы Анны между вигами и тори не было значительных различий. Виги, включая поэтов, охотно присоединялись к насмешкам над своими друзьями и, подобно тори, всё больше интересовались «общительностью» и «вежливостью» [34, с. 22, 204]. Например, Свифт посвятил «Сказку бочки» лорду Сомерсу, одному из самых известных вигских покровителей, и всю жизнь утверждал, что является «вигом в политике»; Поуп старался, особенно в ранние годы, избегать политических ярлыков и поддерживал дружеские отношения с писателями обеих партий. Виги-покровители также были готовы поддерживать поэзию, не имеющую «определённой политической программы».

В то же время существует иная точка зрения на Поупа. Роберт Роджерс подчёркивает, что Поуп был сторонником Стюартов, а его поэма «Виндзорский лес» носит откровенно политический характер, выражая симпатии к Стюартам и даже якобитам, и устремлена к продолжению «золотого века Стюартов» [21, с. 317]. Очевидно, что споры о политическом содержании поэм и симпатиях их авторов не утихают, и вряд ли стоит ставить в этом вопросе точку. Взгляд историков и филологов может быть многогранным. В любом случае нас, прежде всего, интересует отражение конкретного события европейской истории и его героев. С точки зрения системного и нормативно-ценностного подходов данная статья предпринимает попытку проанализировать отражение Утрехтского мира 1713 года в английской поэзии. Системный подход позволяет определить место и роль Великобритании в трансформации системы международных отношений исследуемого периода и выявить детерминанты, повлиявшие на мнение поэтов. Применение нормативно-ценностного подхода даёт возможность уточнить значение заключения мира для Британии и европейского общества.

Обзор литературы

Культурно-политические интерпретации Утрехтского мира 1713 года занимают важное место в современной историографии, объединяя перспективы дипломатической истории, исследований культурной памяти и литературоведения. Источники, использованные в исследовании, демонстрируют, что формирование культуры мира в раннее Новое время тесно связано с символическим представлением и идеологическим дискурсом. Основополагающее значение здесь имеют труды Хайнца Духхардта,

представленные как в его классической работе *Krieg und Frieden im Zeitalter Ludwigs XIV* [1], так и в позднейшей монографии *Friedens-Miniaturen* [11]. Учёный сформулировал концепцию мира как перформативного и репрезентативного акта, выходящего за пределы дипломатических процедур. Мирные конгрессы, такие как Мюнстерский, Неймегенский и Утрехтский, рассматривались им как культурные события, в которых эстетические формы и церемониальные практики служили инструментом легитимации власти.

Эти идеи получили развитие в коллективных трудах *1648 – Krieg und Frieden in Europa* [1] и *Theatrum Belli—Theatrum Pacis* [27], где исследуются взаимосвязи между иконографией мира, риторикой дипломатии и художественными формами. В этих работах заложена методологическая основа для анализа визуальных и текстуальных репрезентаций мира, что в последующем получило название «семиотика мира». Каталог выставки *Friedensbilder in Europa 1450–1815* [11] развивает данное направление, рассматривая «искусство дипломатии» как культурный феномен, объединяющий политические переговоры и символическую коммуникацию.

Концепция мира как формы представления была развита также в исследовании М. Кёлера [14], который подчеркнул стратегии и символику переговоров на конгрессе в Неймегене, и в работе Б. Клесмана [13], показавшего, что декларации войны и мира в Европе XVII века являлись кодифицированными правовыми перформансами. В совокупности немецкие исследователи сформировали междисциплинарный подход, позволивший изучать репрезентативное измерение мира как культурное явление, что легло в основу анализа Л.И. Ивоиной, рассматривающей Утрехтский мир как художественно-поэтический феномен.

Британская историография внесла значительный вклад в осмысление политических последствий Утрехтского мира. Издания Л. Г. У. Легга *British Diplomatic Instructions 1689–1789* [3], Б. Брауна *The Letters and Diplomatic Instructions of Queen Anne* [26] и А. Браунинга *English Historical Documents* [10] остаются ключевыми источниками для реконструкции политического фона мирных соглашений 1713 года. Эти документы, наряду с перепиской Александра Поупа, опубликованной Дж. Шербурном [22], освещают идеологические механизмы внешней политики королевы Анны и формирование национальной идентичности через дипломатические практики.

Синтез дипломатической истории и литературоведения представлен в трудах Дж. Ричетти [24] и Г. Вайнброта [32], которые анализируют английскую поэзию XVII–XVIII веков в контексте перехода от риторики абсолютизма к рационализму Просвещения. В их интерпретации отклики поэтов на Войну за испанское наследство отражали формирование новых представлений о национальной миссии, нравственном идеале и гражданском гуманизме. Утрехтский мир при этом понимался как символический акт, позволивший соединить патриотические и космополитические мотивы. Эту линию развивает А. Уильямс [34], показавшая, что вигская и торийская поэтические традиции, несмотря на различие политических позиций, были объединены риторикой «вежливости» и общественного согласия. Её выводы ставят под сомнение жёсткое противопоставление партийных литературных культур и раскрывают их взаимопроницаемость.

Роберт Роджерс [27] в свою очередь рассматривает поэму Поупа *Windsor Forest* как политическую аллгорию, выражающую лоялизм Стюартам и торийскую пасторальную идеологию. Он утверждает, что Поуп преодолевает рамки партийной поэзии, утверждая универсальный принцип гармонии — *concordia discors*. Этот подход перекликается с анализом А. Даффера [9], интерпретирующего поэму как одновременно политическое и пасторальное произведение, в котором мир изображён как естественное состояние Божественного и социального порядка. Оба исследователя подчёркивают синтез природы, морали и политики в эстетике раннего Просвещения.

Поэтические репрезентации мира не ограничивались Поупом [18]. Работы Р. Каммингса [6] и Р. Уильямса [35] показывают, что творчество Дж. Аддисона и Т. Тикелла [28] — особенно *The Prospect of Peace* и трагедия *Cato* — представляют собой риторическую трансформацию военного триумфа в гражданскую добродетель. В *Cato* Аддисон противопоставил священную необходимость мира трагическому упрямству войны, обрамляя Утрехтский договор в морально-философский контекст. Каммингс отмечает его двойственное отношение к торийскому триумфализму, но признаёт общий культурный импульс эпохи к умиротворению. Уильямс обращает внимание на «живописную сцену» у Поупа, где пейзаж становится метафорой гражданской и космической гармонии.

Литературная репрезентация мира тесно связана с социально-экономическими преобразованиями Англии начала XVIII века. В поэмах Трэппа [29], Хиггонса [12], Парнелла [16], Тикелла [28] и Уоллера [31] Утрехтский мир предстает основой национального процветания и торговой свободы. Образность, построенная на метафорах кораблей, океанов и ветров, отражает становление концепции *Pax Britannica*, где экономическая продуктивность замещает военное завоевание. Эти мотивы коррелируют с историческими источниками о торговой политике Британии [3; 10] и предвосхищают её переход к глобальному морскому могуществу.

Сравнительный анализ позволяет рассматривать британскую поэзию как часть общеевропейского культурного контекста. Л. Бели [2] и Х. Духхардт [7] отмечали, что на континенте мирные конгрессы воспринимались как «театры цивилизации», где нации демонстрировали политическую зрелость. Эта метафора театральности, развиваемая в сборнике *Theatrum Belli — Theatrum Pacis* [27], помогает осмыслить английскую поэзию о мире как элемент дипломатического спектакля, в котором сливались политика, искусство и язык. Методологическая опора Л.И. Ивониной на эти труды отражает синтез культурной истории, публичной истории и эмоциональной антропологии в изучении феномена мира.

Параллельно развивались теоретико-правовые подходы. Работы Клесмана [13] и Духхардта [8] показывают, что в XVII–XVIII веках кодификация мира превращала политическую легитимность в перформативный акт. Эти выводы согласуются с конструктивистскими и системными моделями, связывающими дипломатический ритуал с культурной семантикой представления. В рамках этого подхода поэзия выступает как дискурсивное средство фиксации коллективного сознания мира.

Особое значение в литературно-дипломатическом контексте имеет анализ К. Бранстрема [4], рассматривающего Мэттью Приора как поэта и дипломата.

Исследователь показывает, что двойственная роль Приора воплощает слияние художественного мышления и политической прагматики. Его фраза «In Prose and Business lies extinct and lost» выражает напряжение между бюрократической ответственностью и поэтическим призванием, демонстрируя, как дипломатия становилась эстетической практикой. Этот вывод согласуется с позицией Ивониной, трактующей Утрехтский мир как культурный перформанс, соединяющий художественное и политическое измерения.

Тексты современников — Смита [23], Криспа [5], Уэсли [33] и Ньюкомба [15] — иллюстрируют, как писатели переводили правовые и дипломатические категории в морально-аллегорическую форму. Повторяющиеся образы божественного одобрения и морская символика воплощали новую нравственную экономику, где торговля и добродетель взаимно усиливали друг друга. Эти произведения предвосхищали просветительские идеалы рационального интернационализма и баланса сил, теоретически обоснованные аббатом де Сен-Пьером и включённые в текст мирного договора [2; 8].

В совокупности исследованные труды показывают, что репрезентация мира в английской культуре начала XVIII века выходила за рамки политического дискурса, охватывая художественные, теологические и эмоциональные пласты. Историки и литературоведы [7; 21; 24; 34] сходятся во мнении, что Утрехтский мир стал символом перехода от риторики победы к риторике примирения, от героизма войны к гражданской добродетели. Взаимопроникновение документальных и поэтических свидетельств позволяет рассматривать этот период как зарождение общеевропейского сознания мира, предвосхитившего гуманизм Просвещения и основы современного международного права.

Результаты исследования

Заключение соглашений в Утрехте вызвало бурю эмоций в Великобритании, нашедшую отражение в стихотворениях, посвящённых мирному договору. Эти произведения, большинство из которых содержат элементы пропаганды, поставили окончательную точку в политических спорах о продолжении войны за испанское наследство и ввели новые идеи. Каковы же были эти идеи? Рассмотрим их на примере наиболее примечательных поэм — как в политико-историческом, так и в поэтическом и эмоциональном аспектах.

Джозеф Трэшп (1679–1747 гг.) — английский священнослужитель, учёный и первый профессор поэзии Оксфордского университета. Его поэма «Мир» была посвящена Генри Сент-Джону, виконту Болингброку, капелланом которого он стал в 1712 году — ту же должность ранее занимал Свифт. 1 апреля 1713 года Свифт отказался обедать с Болингброком, поскольку ожидал «просмотреть скучную поэму» Трэшпа. Тем не менее позднее он действительно исправил текст, анонимно изданный в Дублине и положенный на музыку Уильямом Крофтоном. Поэма Трэшпа действительно напоминала песнь. «Свершилось! Великое дело завершено! Британия сегодня мудра, как велика!» — так начинается произведение Трэшпа, после чего автор сразу переходит к оценке положения Британии, королевы Анны и деятельности своего покровителя.

Дальнейшее повествование развивается в том же духе: долгое время её сыновья умирали из-за бельгийской жадности и австрийской гордыни, страдая от огня сражений, но затем справедливые «патриоты Британии» крепко объединились против воинственных сил Земли и Неба. Автор высоко ценит военные достижения героя (герцога Мальборо), побеждавшего на полях сражений войны за испанское наследство. Однако поэт осознаёт и их страшную цену (особенно вспоминая кровавое сражение при Мальплаке 11 сентября 1709 г.) и задаётся вопросом, зачем храбрым британцам, одержавшим триумф, нужно было разрушать то, что можно было спасти. Трэпп считает, что истинно славен тот герой, кто «спас нас [британцев] от наших собственных победоносных рук», то есть «большая храбрость проявляется в заключении мира, чем в войне».

Истинными героями поэт называет королеву Анну и её мудрых советников. В сложном процессе восстановления равновесия в мире и порядка в воюющих странах он видит силу и мудрость Анны, её превосходство над другими монархами, ожидающими у её трона своей участи. Тем самым он подчёркивает ведущую роль Лондона на Утрехтском конгрессе. Анна — арбитр всех держав; она сохраняет равновесие твёрдой рукой и управляет множеством интересов. Великий король Людовик гордится её дружбой:

*Пока государства, чуждые миру, вовлечены в раздоры,
И яростные народы упорно бушуют,
Верховная и великая Анна стоит над ними
И держит равновесие безошибочной рукой [...]
Хотя своей дружбой одарила она великого Людовика,
Он с радостью принял счастливый залог мира [...]*

Трэпп высоко оценил деятельность сторонников Анны — британских министров и дипломатов, занимавшихся подготовкой мирного договора: Болингброка, Оксфорда, Шрусбери, Страффорда, Бристоля и других. Так, министр Анны, блистательный Болингброк, украсил двор французского короля:

*Хвалёная изысканность Франции превзойдена
Министром Анны и сыном Британии [...]*

И трудно желать большего вклада или большего опыта при иностранных дворах, чем тот, что проявил верный и пылкий Страффорд:

*Что ещё мог бы он желать в коллеге,
Кроме благоразумной силы и пыла верного Страффорда?
Обладая долгим опытом при чужих дворах,
Он помогает их государям и поддерживает своего собственного. [29]*

Политические симпатии Бивила Хиггонса были более чем очевидны. Сын сэра Гренвилла и двоюродный брат графа Гренвилла происходил из якобитской семьи и последовал за низложенным королём Яковом II в изгнание во Францию после 1688 года. И всё же он не проникся французским духом и в своей поэме о мире, посвящённой графу Оксфорду, писал, что Британия, чья «кровь пролилась как вода», могла быть спасена лишь тогда, когда «[...] только благотворный мир мог исцелить её раны». Бурбон (король Людовик) должен внимать приговору британской королевы, и после этого воинственные страны облачатся в мирные одежды:

*Внемли, о Бурбон, и прими свой приговор —
От имени британской королевы по воле Небес я пришёл.
Пусть Австрия в мире носит свою железную корону,
А дрожащий ломбардец страшится её грозного взгляда.
Пусть хитрый Савой сохранит свои дорогие земли
И под Альпами спит в безопасности. [...]
Пусть сильные укрепления защищают Бельгию,
И пусть она боится лишь своего древнего врага — моря;
Тогда вечная дружба объединит ваши народы,
И Бурбон будет предпочтён линии Австрии [...]*

Как и Трэпп, поэт восхваляет рассудительность и силу британской королевы — все народы ждут её решения:

*[...] Твоя КОРОЛЕВА торжествует теперь
Своей добротой более, чем прежде оружием;
Ожидаящие народы ждут её решения —
Пусть её декреты станут моими и судьбой Европы.
КОРОЛЕВА Британии, склонная к милосердию,
Дарует Франции более мирный дух [...]*

Хиггонс подчёркивает терпение и мудрость графа Оксфорда и виконта Болингброка, приведших к заключению славного мира:

*Это Харли понял и, тронутый великодушной скорбью,
Спешил на помощь своей стране и своей КОРОЛЕВЕ;
За ним последовал Сент-Джон, гордый быть униженным,
Соединившись с Харкуртом, принял благородное дело.*

Примечательно, что Хиггонс отметил и экономические последствия Утрехтского мира: Анна рассеяла тучи войны, и теперь купцы не будут бояться опасностей, ветров и морей. Они находятся под надёжной защитой, а неизвестные прежде народы станут друзьями Британии:

*Здесь толпы молящихся возносят к небесам мольбы об Анне,
Ради жизни Анны дымятся новые алтари;
Купец теперь будет плыть с каждым ветром,
И бояться лишь бурь и морей.
Своеё ежегодное флотилию посылает сильный Харли,
И неведомые народы становятся друзьями Британии. [12]*

Томас Парнелл (1679–1718 гг.) близок по духу к двум вышеупомянутым поэтам. Парнелл родился в Дублине в обеспеченной семье и стал диаконом Епископальной церкви. Он был членом клуба Скриблерианцев — неформального объединения друзей, в которое входили Джонатан Свифт, Александр Поуп, Джон Гей, Джон Арбетнот и Генри Сент-Джон. Время от времени на встречи клуба приходил и Роберт Харли. Поэма Томаса Парнелла посвящена королеве, поскольку он отождествляет мир, заключённый в 1713 году, с миром Анны. В начале поэмы он называет королеву «матерью изобилия и дочерью небес». В течение двенадцати лет Британия терпела потери и кровопролитие, но с помощью своих доблестных войск одержала победу над галлом (Францией),

стремившейся к идее всемирной монархии:

*Теперь двенадцать лет Британия стоит,
Теряя кровь и золота зенит,
Хранительницей Европы, чьи храбрые руки
От бед грозящих защитили всю округу.
В то время как Галлия, желая трон воздвигнуть
Над иными державами, дрожала за собой,
Оплакивала города свои и павшие войска
И отрекалась от мысли о всеобщем владычестве.*

Парнелл поднимает вопрос о балансе сил в мире — одну из важнейших тем международного права того времени. Он отмечает, насколько трудно было сплотить союзников Британии. Победив в войне и проявив широту и глубину мышления, Анна выступила хранительницей общественного порядка, вернув обществу мир и ценности:

*Когда всё было сделано, Хранитель воспарил,
Туда, где Анна думами о государстве жила;
Невидимый, он перед ней стоял,
Даруя образы блага на воздушной сцене воображения —
Возвращённая торговля, полная казна, оплаченная армия,
Поля, благословенные людьми, и люди — изобилием,
Города — богатством, а мир — покоем.*

Как и его коллеги, Парнелл восхваляет верных слуг королевы — Оксфорда и Болингброка:

*Её Оксфорд — благоразумный в делах государства,
Глубокомысленный, явственно великий
Во всяком повороте, с устойчивым нравом,
Не подвластен золоту и свободен от страха [...]
За этими трудами изящный Болингброк следует,
Гений, созданный для великих целей [...]
Когда планы определены и каждому назначена роль,
Никто не служит стране с благороднейшим сердцем [...]*

Поэма наполнена восхвалением благословенной Анны, принесшей удачу и изобилие во все сферы жизни:

*Она идёт — и Благословение приходит,
Где бы ни ступала, расцветает новая красота земли [...]
Она идёт — и Благословение приходит величаво,
И формы сияния окружают её повсюду:
Здесь улыбающаяся Безопасность с обнажённой грудью
Идёт спокойно, а там — Весёлая Изобилие;
Здесь чудесные Науки с орлиным взором,
Там — Свободные Искусства, делающие мир утончённым,
А открытая Торговля, рука об руку
С честным Трудом, приближается к земле.*

Поэт приходит к выводу, что высшей мировой ценностью является мир [16].

Когда министры королевы Анны вели переговоры с Францией, Тикелл опубликовал поэму «*The Prospect of Peace*», целью которой было отвратить нацию от гордости завоеваний и обратить её к наслаждению спокойствием. Насколько Тикелл, которого Свифт впоследствии назвал «*Whiggisimus*», тогда был связан с какой-либо партией — «я не знаю», — писал Сэмюэл Джонсон о поэте, посвятившем творчество теме заключения мира. Однако в журнале *Spectator* Аддисон, известный своими вигианскими взглядами, похвалил поэму Томаса Тикелла (1685–1740 гг.), сына священника и профессора поэзии в Оксфорде. И не без оснований, даже принимая во внимание замечание того же Джонсона, что «[...] «Надменный галл, участвовавший в десяти кампаниях» — поэма, заслуживающая скорее одобрения, чем восхищения» [24, с. 193].

Одной из наиболее примечательных черт «*The Prospect of Peace*» было то, что она прославляла результат торианской политики — мир. Однако военные и дипломатические достижения, приведшие к этому миру, произошли во время пребывания вигов у власти. Отличительная особенность поэмы Тикелла — её искренний, последовательный характер: путь к миру заложен в её рифмах. В поэме нет повторений и ненужных сравнительных образов, характерных для упомянутых выше авторов, хотя от этого её поэтическая часть несколько страдает. Главным героем произведения является Британия.

Тикелл пишет, что «его гордый бастион дымился на земле [...], его легионы отказались от боя», но «по её велению война замирает, и британские герои останавливают поднятые руки». Описывая подвиги «гордых героев» на полях сражений — от Фландрии до Германии, — Тикелл не забывает их:

*Наш юный пыл спешит в чужие страны,
Чтоб видеть земли, где отцы их славны;
От берегов Фландрии следят они за славой родной,
Пока далеко Германия не явит лик разрушенный.*

Героями названы все, кто внес вклад в победу Англии в Войне за испанское наследство: дипломат Степни, герцог Мальборо, «святой» епископ Бристольский, лорд Гренвиль, Роберт Харли и другие. Распространяя влияние своей могущественной и справедливой королевы по всему миру, среди тех, кто желает её дружбы, Тикелл мыслит масштабно. В этот мир — одним из первых среди английских поэтов — он включает Россию, великую державу, нуждающуюся в цивилизации:

*Побеждать, опираясь лишь на грубую силу, — дело звериное;
Но облагородить, просветить — труд божественный.
Разве забыли мы, как с великого трона России
Царь, чья власть простирается на пол-Европы,
Чьим скипетром, по одному его взмаху,
В лавине кидаются вооружённые полчища Севера,
Пробирался сквозь ледяные царства,
Чтобы заручиться нашей дружбой и увидеть нашу славу! [...]
Теперь его войска маршируют в стройных рядах на войну,
И Каспийские волны несут невиданные прежде флоты;
Смоленские леса звучат руническими песнями,
И удивлённая Волга слышит пение муз.*

Очевидно, что «меч Черчилля» прежде всего возложил «императорскую диадему на божественную Анну», сияющий нимб окружает её голову, но мир и «европейская свобода» были достигнуты ценой крови.

*Прими, Великая АННА, слёзы, что память их рождает —
Тех, кто благородно пал во имя своей государыне;
Ты, движимая жалостью, повелела прекратит войну,
Оплакиваешь своих павших героев и не решаешься на новые битвы.
О, как велика цена крови в каждый победный день!
(Но эта цена возмещена свободой Европы.)*

Анна вершит судьбы народов на сотне языков. Дикие индейцы «клянутся именем Анны», поляки «признают её законную власть», а Людовик покупает её дружбу «великой наградой». Однако мирные достижения королевы были бы невозможны без «верных вельмож» и «стражей Церкви» при её троне. Среди них Тикелл выделяет дипломатов, поэта Мэттью Приора и епископов Бристоля, Страффорда и Оксфорда [28]. По сути, критики Тикелла были правы, отмечая политическую нейтральность его поэмы.

Возможно, самым известным поэтическим произведением, ставшим аллегорическим эквивалентом Утрехтского мира и политических дебатов вокруг него, стала поэма «Виндзорский лес» Александра Поупа (1688–1744 гг.), католика по вероисповеданию. Посвящённая Джорджу Гренвиллу, лорду Лансдауну — поэту и политику, участвовавшему в заключении мирного договора, — поэма прославляет правление тори как высшее проявление цивилизации. Поуп создаёт аллегорический рассказ, посвящённый ценностям Утрехтского мира, воспевая не только судьбу науки, но и всего мира. Почему «Виндзорский лес»? Зимой 1712–1713 годов, когда поэт готовил произведение к публикации, он писал своему другу Джону Каррилу: «Я стараюсь воссоздать вокруг себя живописную сцену лесов и роц, зелени и красоты, где деревья расцветают, поля благоухают, природа смеётся» [22, с. 168]. Однако воспринимать поэму лишь как аллгорию — значит неправильно её читать. В восхвалении гармоничного торианского государства Поуп создаёт пасторальное видение идеализированной природы [9, с. 1].

В начале поэмы — как метафора политической стабильности послевоенной Британии — появляется лесной пейзаж:

*Здесь холмы и долины, лес и равнина,
Здесь земля и вода, кажется, вновь борются,
Но не хаотично, не сталкиваясь и не рушась,
А как мир, гармонично смешанный.*

В лесу царит процветание, включая «индустрию», которая «улыбается на равнинах». Поуп рассматривает это как результат правления Анны и подписания мира: «Мир и изобилие возвещают царствование Стюартов». Провозглашая это, поэт выражает свои мысли о мире в Утрехте: виги отвергли предложение Людовика XIV о мирном договоре, и только когда к власти пришли тори, мир был подписан, и покой вернулся в Англию. Таким образом, через Анну тори вернули стране мир. Следовательно, они принесли Англии изобилие не путём завоеваний на Вест-Индских островах, как хотели бы виги, а благодаря благоприятным условиям для торговли.

*Пусть Индия гордится своими растениями — мы не завидуем
Ни плачущему янтарю, ни благоухающему дереву,
Пока наши дубы несут драгоценные грузы
И властвуют над странами, что украшают эти деревья.*

Здесь деревья — это британские корабли, или даже вся монархия Стюартов, традиционным символом которой является дуб. Поэт уверен, что тории не только создали гармоничное государство, но и восстановили финансовую стабильность Англии [18, с. 13–42].

Поэму можно читать как тесно связанное выражение доктрины «concordia discors» — согласия противоположностей — как желаемой универсальной нормы, с которой соотносятся выгоды Утрехтского мира. Идея о том, что многочисленные конфликты между четырьмя элементами природы (воздух, земля, огонь и вода) парадоксальным образом создают всеобщую гармонию, восходит к греческим философам: Пифагору, Гераклиту и Эмпедоклу. Теория, согласно которой примирение противоположностей рождает гармонию, действует в этой поэме как естественный порядок для Виндзорского леса. Поуп видит в этом закон природы. Принимая необходимость разнообразия, поэт проявляет себя не только как сторонник тории: противоположные силы (виги и тории) должны взаимно уравновешивать друг друга, и если одна из них исчезает, гармония нарушается.

Он приводит пасторальные примеры в виде трёх сцен охоты, исторически связанных с использованием леса в Гэмпшире для королевских охот Вильгельмом I Завоевателем. Вильгельм установил в лесу собственный порядок, и в результате лес превратился в пустыню. Поуп рассматривает правление Вильгельма Завоевателя как тиранию, противопоставляя его деспотичный и дикий характер новой стабильности Стюартов. Даже прозвище Вильгельма — Нимрод (традиционное олицетворение жестокого охотника, тирана и воителя) — указывало на абсурдность.

Назвав Вильгельма I тираном, Поуп получил возможность атаковать Вильгельма III Оранского, поскольку их многое роднило. Оба были иностранцами, оба любили охоту и войну, и даже их смерти были ускорены несчастными случаями во время верховой езды. Поэт осуждает бремя налогов и еретические тенденции голландской теологии при Вильгельме:

*Имел страх перед знатью, проклят был народом,
Угнетатель правил тиранически, где мог,
Простирал над бедняками и Церковь железный жезл,
И служил одинаково своим вассалам и своему Богу.*

В противоположность Вильгельму, Поуп изображает его преемницу как сострадательную к подданным, соблюдающую лесные законы и радующуюся мирным деревьям. Анна сменила Нимрода эпохи вигов.

*Британия боголюбива, возносит
Свою радостную голову и ведёт золотые годы. [18, с. 73–76, 91–92]*

Займствуя сюжет из «Метаморфоз» Овидия, в другой охотничьей сцене Поуп даёт несколько иную интерпретацию мифа о Пане и Сиринге. Соперничая с Олимпом, лес наполнен божествами. Сиринга была нимфой, жившей в Аркадии, почитала Артемиду и

строго хранила девственность. Однажды Пан встретил её и попытался настичь, но Сиринга бросилась к реке Ладон и взмолилась к наиадам, чтобы те спасли её. Наиады превратили Сирингу в тростник, жалобно звучащий на ветру. Пан сделал из этого тростника флейту, назвав её именем нимфы (по-гречески *syrix* — «флейта»), и возлюбил этот простой инструмент.

В поэме поток Темзы воплощается в образе Ладоны, которая, подобно Сиринге, отправляется на охоту за пределы леса, разжигает страсть Пана и начинает бежать от него. Пан настигает её, насилует, и после этого Ладона извиняется перед богиней Дианой-Охотницей. Эта сцена носит как политический, так и пасторальный характер. В пасторальном смысле она иллюстрирует необходимость гармонии — природа способна к насилию, когда человек игнорирует её пределы. В политическом смысле Ладона представляет вигов, продолжавших войну, ставшую тяжёлым бременем для Британии. Таким образом, они нарушили гармонию, воплощённую в тори, заключивших Утрехтский мир и выразивших «согласие противоположностей» леса. Анна, выступающая как Диана лесов, предстает как божественное воплощение мира, как земное Божество, способное сотворить порядок из хаоса:

Наконец великая Анна сказала: — Пусть раздоры прекратятся.

Она сказала — и мир подчинился, и воцарился покой. [18, с. 327–328; 35, с. 60].

Анна бродит по Виндзорскому лесу как охотница, но мирная. Она управляет охотой согласно высшему закону природы — порядку в многообразии. Вокруг неё — картина экономического процветания, показанная серебристыми утрями и золотыми карпами в реке. В целом поэма изображает человека как агрессивное животное, воплощённое в образах Вильгельма I и III.

Лес — это аллегория, микрокосм вселенной, предназначенный для главного героя Поупа — его покровителя и вдохновителя, Гренвилла. Уверенный в себе Поуп показывает ему подлинную жизнь, подчёркивая достоинства мира, способствующего не только экономическому, но и духовному и интеллектуальному процветанию. Сэр Уильям Трамбулл, бывший министр иностранных дел, уходит на покой в Виндзорский лес и постепенно превращается из государственного деятеля в мыслителя. В лесу Трамбулл изучает химию, астрономию, религию и другие дисциплины путём созерцания, а не опыта. Его отказ от политики и войны доказывает преимущества гармоничной жизни и компромисса между тори и вигами.

В другой созерцательной сцене воображаемый поэт (Поуп подразумевает под ним самого Гренвилла, также поэта, которому пришло время оставить политику и обратиться к поэзии) возвращается в Виндзорский лес и просит музу помочь ему найти вдохновение. Обращаясь к ней, Гренвилл воспринимает окончание войны и возвращение гармонии Виндзорского леса как цель размышления. Муза призывает его прославлять британских монархов, одержавших победы над Францией и боровшихся за единство королевства — Эдуарда III, Генриха VII, Эдуарда IV и других. Поуп гордится тем, что Англия всегда превосходила Францию.

В заключительной части поэмы Лондон предстаёт как центр мировой торговли, объединяющий народы, а Англия — как образец процветания в мире. Поэма завершается идеей «согласия противоположностей» в мире, стабильность которого обеспечена

Утрехтским договором [9, с. 12–15; 18, с. 54].

В результате анализа поэмы Поупа следует отметить, что трудно приписать автору строго политическую позицию. Прославляя правление тори, он воспеваёт мир, всеобщее согласие и примирение и, в отличие от Трэппа и Парнелла, не воздаёт почестей крупным деятелям тори, таким как Оксфорд и Болингброк. Известна его дружба с виги-писателями Аддисоном — он участвовал в постановке пьесы Аддисона — и Стилом.

Поэмы других упомянутых авторов, прославляющих мирные соглашения, королеву Анну, Британию или Оксфорда, не менее торжественны и не менее содержательны. Например, поэма лондонского таможенника Генри Криспа, вдохновлённого экономическими перспективами Утрехтского мира, была его единственным опубликованным произведением. Здесь стоит отметить одну важную черту, характерную для всех поэтов, откликнувшихся на Утрехтский мир. Все они подчёркивали политическое и коммерческое превосходство Британии в мире, основанное на осознании того, что Англия опережает другие государства в экономическом развитии. И мир естественен и полезен для неё.

При этом общими метафорами мира в поэтическом языке были вода (река или океан) и корабли (Британия) как знаки свободы передвижения и восстановления торговли. Потребность в свободе диктовалась физической безопасностью, и поэтому все военные корабли должны быть превращены в торговые суда, пушки которых теперь используются только для салютов. Например, корабли Трэппа «гремят по всему океану лишь в приветствии», у Криспа корабли «гремят громами, раскалывая небо», а у Уильяма Уоллера — «извергают гром лишь в знак приветствия». В «Гимне миру» Уэсли корабли несут благополучие миру не войной, а возвращением к торговле, охраняемой миролюбивым Богом [5, с. 13; 23; 29, с. 17; 31, с. 7; 33, с. 10–11].

В поэмах о мире поэты использовали позитивный «современный» аргумент — противопоставление созидательной торговли разрушительной «древней» войне. Фактически они иллюстрировали столкновение «*Pax Romana*» и «*Pax Britannica*», этики войны и этики торговли. Конечно, «*Pax Romana*» олицетворялась Францией. В поэме «*Pacata Britannica*» Англия превзошла «Рим» и ведёт мир в новую эпоху:

*То, что она считала пределами Старого света,
Мы превращаем лишь в путь к Новому;
За её мифические столпы мы выходим вперёд,
И торжествуем там, где она боялась лишь плыть.*

Год спустя неизвестный поэт, в поэме, посвящённой епископу Джону Робинсону, сказал, что народы долго воевали друг с другом, но вместе с «Европой, богоподобной посредницей» епископ достиг того, чего «Цезарь мечом едва мог добиться». Как видно, римское завоевание и британская цивилизация противопоставлены как антиподы в творчестве «миролюбивых» поэтов [15, с. 7; 25, с. 4; 32, с. 237].

Анализ представления Утрехтского мира в английской поэзии был бы неполным без упоминания двух других известных деятелей того времени — Джозефа Аддисона и Мэттью Приора.

Джозеф Аддисон (1672–1719 гг.) откликнулся на заключение мира творчески, но иначе. Его литературная и политическая деятельность была связана с вигами: в 1704 году

он создал по заказу правительства поэму «Кампания» в честь победы Мальборо при Бленхейме. В том же году Аддисон был назначен членом Апелляционной комиссии, а через год занял пост помощника государственного секретаря. В 1706 году он сопровождал графа Галифакса в важной дипломатической миссии в Ганновер. Два года спустя Аддисон был избран в парламент, а с 1708 по 1710 год служил главным секретарём вице-короля Ирландии.

Виги считали Утрехтский договор «разрушительным для свободы Европы», поэтому неудивительно, что поэты-традиционалисты в своих произведениях подчеркивали мировое господство Британии. После прочтения «Виндзорского леса» Аддисон испытал глубокую скорбь из-за его «аристократического» финала [6, с. 143–158]. 14 апреля 1713 года, всего через несколько дней после подписания Утрехтского мира, в театре Друри-Лейн состоялась премьера трагедии Аддисона «Катон», написанной на фоне спора о войне и мире. Не случайно в центре пьесы — конфликт между стремящимися к миру (олицетворёнными Юлием Цезарем) и сторонниками войны (во главе с Катонем Утическим). С первой постановки пьеса имела огромный успех и не сходила со сцены до конца века. «Катон» с восторгом принимали зрители всех политических убеждений: тори видели в фигуре Цезаря образ успешного, но опасного для страны военачальника (Мальборо), виги восхваляли Катона как воплощение мужества, свободы и сопротивления тирании.

Аддисон позволил победоносному Цезарю стремиться к миру, тогда как побеждённый Катон выбирает войну. События происходят сразу после решающих побед Цезаря при Фарсале и Тапсе. С такими победами Цезарю не нужно было добиваться согласия слабого Катона на мир, однако он проявляет решимость добиться мира, несмотря на его упорное сопротивление. К 1710 году положение Англии напоминало ситуацию Цезаря: как и он, она одержала ряд решающих побед. Несмотря на военные успехи, королева и её министр Оксфорд были полны решимости достичь мира и подписать Утрехтский договор.

Прежде чем предложение Цезаря о мире раскрывается, Аддисон подчёркивает, что мир — это священное требование богов. Друг Цезаря и его союзник Луций призывает сенат принять мир:

*«Признаюсь, мои мысли устремлены к миру.
 Наши распри уже наполнили мир
 вдовами и сиротами: Скифия оплакивает
 наши преступные войны, и дальние пределы земли
 наполовину обезлюдели из-за раздоров Рима.
 Пора вложить меч в ножны и пощадить человечество.
 Не Цезарь, но боги, отцы,
 боги восстанут против нас и отвергают
 наши тщетные попытки.
 Покоримся же богам».* [17, с. 123–141]

Для Аддисона Цезарь — инструмент богов, исполняющий их победоносные войны и реализующий их волю о мире. Таким образом, мир становится священной миссией, которую нужно принять и осуществить. Война же драматизируется как трагический

выбор противников Цезаря. Катон, выступающий за войну, терпит поражение и в военном, и в нравственном смысле. В то же время позиция Аддисона сложна; не случайно трагедия вызвала критику за риторичность и двусмысленность. Жизнь, мир и любовь побеждают в пьесе, и политическое поражение не означает утраты ценностей жизни.

Мэттью Приор (1664–1721 гг.) не написал поэмы о Утрехтском мире, однако его деятельность как дипломата была напрямую связана с этим событием. Сын нонконформиста, он принадлежит к числу тех, кто вышел из незнатного происхождения и достиг высокой известности. Он получил образование в Вестминстерской школе, затем в Колледже Святого Иоанна, где получил степень бакалавра и начал писать стихи. Одним из его школьных товарищей и друзей был Чарльз Монтегю, 1-й граф Галифакс. Благодаря Монтегю Приор стал секретарём посольства в Гааге, принимал участие в заключении Рисвикского мира в 1697 году и подписании договоров о разделе наследства в 1698–1700 годах. Однако в его поэтическом даре сомневался сам Поуп. Когда Галифакс подвергся импичменту, Приор проголосовал на стороне тори и, вследствие этого, практически не участвовал в дипломатической деятельности до 1710 года. После возвращения тори к власти в том же году Приор занял видное положение во всех двусторонних переговорах с французским двором и в заключении мира между Англией и Францией. Не случайно в политических кругах Утрехтский договор часто называли «миром Мэтта». Возможно, усталость и давление дипломатической работы способствовали его безразличию к завершению войны. Кроме того, значительным фактором могло стать отсутствие признания со стороны коллег его стихотворений, посвящённых победе герцога Мальборо при Бленхейме в 1704 году и поэме в честь победы того же полководца при Рамильи в 1706 году (написанной полностью в вигитском духе). Сравнение Мальборо с орлом, несущим гром Зевса, считалось легкомысленным и бесплодным:

*Высоко, как Олимп, я вознесу свой полёт,
И грядущие века в моих строках прочтут
Бессмертную славу Анны и доблестный подвиг Мальборо.
Подобно могучему орлу в безмалвных лесах,
Не помышляя о ярости сражений и тревогах вражды,
Он резвится у скалистых утёсов или над прозрачным потоком,
Пока по велению Зевса не будет призван к войне [...] [19; 20]*

На самом деле Приор стремился не к мудрости государственного деятеля, а к изяществу поэта. Он оправдывал свои стихи тем, что его время было полностью занято государственной службой — дипломатией. Однако само это оправдание, разумеется, было весьма дипломатичным. Дипломатия, далеко не «мешая» его поэтической карьере, напротив, определила самые успешные и зрелые его произведения [4].

Дискуссия

В результате можно заключить, что в этот период отношения между войной и миром стремились получить юридическое обоснование и тяготели к принципам справедливости и законности. Они шли рука об руку с исследованиями в области международного права и пропагандистскими произведениями, частью которых была поэзия. Мирные договоры,

также как и факты объявления войны, рассматривались как ключевая категория, фиксирующая границы между войной и миром, стабильностью и хаосом [13].

Долгие годы конфликтов парадоксальным образом способствовали формированию растущего чувства «Европы» как международного общества, а художественные изображения Утрехтского мира подчеркивали как общеевропейский характер этого мира, так и пробуждавшиеся прото-патриотические настроения. Восприятие Утрехтского мира английскими поэтами, откликнувшимися на это событие, было эмоционально положительным, а их поэмы, посвящённые этому случаю, различались лишь по стилю. Они должны были дать соответствующее отражение этого важного для Англии акта и прославить её героев. Следует отметить, что одни поэты восхваляли сам акт заключения мира и его творцов, противопоставляя их прежним военным действиям, тогда как другие ясно показывали, что герои — военачальники и дипломаты — заложили основы Утрехтского мира ещё во время войны. Наиболее успешным поэтическим воплощением восприятия Утрехтского мира, несомненно, стали «*Windsor Forest*» Поупа и политически нейтральная поэма «*The Prospect of Peace*» Тикелла.

Авторы поэм могли руководствоваться одновременно политическими убеждениями, карьерными соображениями и личными эмоциями — ведь мир всегда приветствуется! Но независимо от партийной принадлежности поэты проводили в своих произведениях основную политическую идею — идею британского превосходства и мирного пути к его достижению. Даже «торианский мир» восхваляли поэты, склонявшиеся к вигизму. Таким образом, Утрехтский мир стал событием не только политического, но и человеческого, универсального значения.

В целом долгие годы Войны за испанское наследство способствовали укреплению восприятия Европы как международного сообщества, а литературное осмысление мира призывало к возвращению материального благополучия и достатка подданных, а также к сердечным отношениям между монархами. Моменты умиротворения становились символами сами по себе.

Заключение

Исследование поэтической репрезентации Утрехтского мира 1713 года в английской литературе показало, что данное событие стало не только важным политико-дипломатическим актом, но и значительным культурным феноменом, нашедшим отражение в поэзии начала XVIII века. Мирные конгрессы эпохи становления Вестфальской системы выполняли двойную функцию — юридическую и символическую: они устанавливали новый международный порядок и одновременно представляли политическую мощь и культурное достоинство участвующих держав. Для английского общества и его интеллектуальной элиты Утрехтский договор означал не просто окончание многолетней войны за Испанское наследство, но утверждение национальной идеи британского превосходства, что и определило пафос большинства поэтических произведений того времени.

Восприятие мира поэтами не сводилось к партийной идеологии тори и вигов. Как показал разбор творчества Дж. Трэппа, Б. Хигонса, Т. Парнелла, Т. Тикелла и А. Поупа, их произведения объединяло стремление осмыслить само явление мира как высшее

проявление государственного разума, гуманизма и торжества порядка над хаосом. Даже при различии политических симпатий авторов ключевой идеей выступала апология мира как источника процветания и благополучия Британии. Для одних поэтов королева Анна являлась олицетворением мудрого правителя, обеспечившего гармонию Европы (Трэпп, Парнелл), для других — символом верховного арбитра, способного восстановить равновесие сил между государствами (Хиггонс, Тикелл). В поэме Поупа «Виндзорский лес» образ Анны возводится до уровня античной богини-миротворца, а мирное процветание изображается как естественное состояние природы и общества.

Важным результатом исследования является выявление общей идейной тенденции английской поэзии 1710-х годов — синтеза политической публицистики, гражданского пафоса и аллегорической символики. Образы леса, моря, кораблей, рек и богинь мира становились метафорами новой экономической и культурной реальности Британии, в которой торговля и прогресс противопоставлялись разрушительным войнам Старого Света. Таким образом, поэты формировали поэтическую модель «*Pax Britannica*», указывая на историческую миссию страны как хранительницы равновесия в Европе. Эстетизация мира и его героев превращалась в инструмент национальной идентичности и внешнеполитической пропаганды.

Не менее важен и личностно-эмоциональный аспект: в поэзии Трэппа, Парнелла и Хиггонса звучит мотив облегчения, благодарности и надежды, что отражает общественное восприятие окончания войны. Для английских интеллектуалов начала XVIII века мир означал не только дипломатическую победу, но и моральное возрождение. В этом контексте творчество Поупа занимает особое место: он сумел превратить политический сюжет в философскую притчу о гармонии природы и человеческого общества, где мир выступает естественным законом бытия.

Отдельного внимания заслуживает то обстоятельство, что даже вигские поэты, критически настроенные к «торийской политике мира», в конечном счёте воспринимали Утрехтский договор как достижение национального масштаба. Произведения Тикелла и Аддисона демонстрируют стремление к идее примирения и цивилизаторской миссии Британии в Европе. Литературный процесс начала XVIII века тем самым свидетельствует о постепенном формировании общенационального консенсуса, основанного на идее мира как высшей формы политической мудрости и культурного прогресса.

Анализ поэмы позволяет заключить, что Утрехтский мир стал точкой пересечения поэтического творчества, политической идеологии и культурной памяти. Поэты осмыслили его не только как конкретный исторический акт, но и как метафору перехода от эпохи войн к эпохе рационального государственного устройства. Репрезентация мира в поэзии выполняла функцию коллективного самоопределения: Британия представлялась не просто победительницей, но моральным лидером, способным устанавливать справедливый порядок на континенте.

В более широком историко-культурном контексте это свидетельствует о становлении новой модели общественного сознания, в которой понятие мира приобретает юридический, этический и эстетический смысл. Мир в понимании английских поэтов — не только дипломатический договор, но и состояние внутренней гармонии, символ национальной зрелости и гражданской ответственности. В этом состоит ключевая

новизна литературной репрезентации Утрехтского мира — в соединении политического и морального начал, в утверждении гуманистической идеи согласия как высшей ценности цивилизации.

Таким образом, поэзия эпохи королевы Анны отражает переход Великобритании от феодально-династической модели политики к просветительской концепции общественного договора, где слово поэта становится инструментом общественного согласия и мирного сосуществования народов. Утрехтский мир, воплощённый в поэтических образах, оказался не только дипломатическим итогом войны за Испанское наследство, но и духовным символом нового европейского порядка, основанного на идеях справедливости, баланса сил и взаимного уважения между государствами.

Конфликт интересов

Автор заявляет, что конфликт интересов отсутствует.

Список источников информации:

1. 1648-Krieg und Frieden in Europa. Volume 2 / Ed. K. von Bussman, H. Schilling. München: Bruckmann, 1998. [= Война 1648 года и мир в Европе. Т. 2 / Под ред. К. фон Буссман, Х. Шиллинг.]
2. Bely L. Méthodes et perspectives dans l'étude des négociations internationales à l'époque moderne. L'exemple d'Utrecht // Frankreich im europäischen Staatensystem der frühen Neuzeit. — Sigmaringen, Jan Thorbecke Verlag, 1995. [= Бели Л. Методы и перспективы изучения международных отношений в современную эпоху. Пример Утрехта.]
3. British Diplomatic Instructions 1689–1789. Volume II / Ed. L. G. W. Legg. London, Royal Historical Society, 1925. [= Британские дипломатические инструкции, 1689–1789. Т. 2 / Под ред. Л.Г.У. Легг.]
4. Brunstrom C. “In Prose and Business lies extinct and lost”: Matthew Prior and the Poetry of Diplomacy // Digital Defoe: Studies in Defoe & His Contemporaries. — 2014. — № 6. [= Бранстром К. “В прозе и бизнесе ложь исчезла”: Мэтью Прайор и поэзия дипломатии.]. <https://digitaldefoe.org/2014/10/30/in-prose-and-business-lies-extinct-and-lost-matthew-prior-and-the-poetry-of-diplomacy/>
5. Crispe H. On the Honourable Board of Commissioners of Her Majesty's Custom-House London; in the Year of Peace, 1713. London: J. Morphew, 1713. [= Криспе Х. В почетном совете уполномоченных Лондонской таможни Ее Величества; в 1713 году, в мирный год.]
6. Cummings R. Addison's “Inexpressible Chagrin” and Pope's Poem on the Peace // The Yearbook of English Studies. — 1998. — № 18. — С. 143–158. [= Каммингс Р. “Невыразимая досада” Аддисона и стихотворение Поупа о мире.]
7. Duchhardt H. Friedens-Miniaturen. Zur Kulturgeschichte und Ikonographie des Friedens in der Vormodernen. Munster: Aschendorff Verlag, 2019. [= Дюххардт Х. Мирные миниатюры. К истории культуры и иконографии мира в досовременный период]
8. Duchhardt H. Krieg und Frieden im Zeitalter Ludwigs XIV. Düsseldorf: Schwann, 1987. [= Дюххардт Х. Война и мир в эпоху Людовика XIV.]
9. Duffer A. K. “At once the Monarch's and the Muse's Seats”: The Political and Pastoral in Windsor Forest. Muncie: Ball State University Press, 1988. [= Даффер А. К. “Место монарха и музы одновременно”: Политическое и пасторальное в Виндзорском лесу.]
10. English historical documents. Volume VII / Ed. A. Browning. New York: Oxford University Press, 1953. [= Английские исторические документы. Том 7 / Под ред. А. Браунинга.]
11. Friedensbilder in Europa 1450–1815. Kunst der Diplomatie, Diplomatie der Kunst. Berlin–München: Deutscher Kunstverlag, 2013. [= Картины мира в Европе 1450–1815 гг. Искусство дипломатии, дипломатия искусства.]
12. Higgons B. A poem on the Peace. Inscribed to the most Honble Robert, Earl of Oxford, and Earl

- Mortimer, Lord High-Treasurer of Great Britain. London: John Morphew, 1713. [= Хигтонс Б. Стихотворение о мире. Посвящено достопочтенному Роберту, графу Оксфорду, и графу Мортимеру, лорду-казначею Великобритании.]
13. Klesmann B. *Bellum solemne. Formen und Funktionen europäischer Kriegsklärungen des 17. Jahrhunderts.* Mainz: Zabern, 2007. [= Клесманн Б. Беллум Солемне. Формы и функции европейского объявления войны XVII века.]
 14. Köhler M. *Strategie und Symbolik. Verhandeln auf dem Kongress von Nimwegen.* Köln–Wien: Weimar–Böhlau, 2016. [= Кёлер М. Стратегия и символика. Переговоры на Конгрессе в Неймегене.]
 15. Newcomb Th. *Pacata Britannica. A panegyrick to the Queen, on the Peace, and the interest of British nation.* London, 1713. [= Ньюкомб Т. Британская энциклопедия. Панегирик королеве, посвящённый миру и интересам британской нации.]
 16. Parnell Th. *On Queen Anne's Peace, London 1713 / Poem Hunter.* — 2024. [= Парнелл Т. В день заключения мира королевой Анной, Лондон, 1713.].
<http://www.poemhunter.com/poem/on-queen-anne-s-peace-anno-1713/>
 17. *Performances of Peace: Utrecht / Ed. R. E. de Bruin, C. van der Haven, L. Jensen, D. Onnekink.* Leiden: Brill, 2015. [= Перформансы мира: Утрехт (Нидерланды / под ред. Р.Э. Брауна и К. ван дер Хейвена, Л. Джонсона, Д. Оннекинка)]
 18. Pope A. *Windsor Forest // Alexander Pope: selected Poetry and Prose / Ed. W. K. Wimsatt.* New York, 1951. [= Поуп А. Виндзорский лес // Александр Поуп: избранные стихи и проза / под ред. У. К. Уимсатта.]
 19. Prior M. *A letter to Monsieur Boileau Despreaux, occasioned by the victory at Blenheim.* London: Jacob Tonfon, 1704. [= Приор М. Письмо месье Буало Депро, написанное в связи с победой при Бленхейме.]
 20. Prior M. *An Ode — Humbly inscribed to the Queen, on the glorious success of Her Majesty's arms. An ode, humbly inscrib'd to the Queen. On the late glorious success of her Majesty's arms. Written in imitation of Spencer's stile.* London: Jacob Tonfon, 1706. [= Прайор М. Ода, смиренно посвящённая королеве, посвящённая славному успеху «герба Ее Величества». Ода, смиренно посвящённая королеве. Посвящённая последнему славному успеху «герба её Величества». Написана в подражание стилю Спенсера.]
 21. Rogers R. *Pope and the destiny of the Stuarts: History, politics, and mythology in the Age of Queen Anne.* Oxford: OUP, 2005. [= Роджерс Р. Поуп и судьба Стюартов: история, политика и мифология в эпоху королевы Анны.]
 22. *The correspondence of Alexander Pope. Volume 1 / Ed. G. Sherburn.* Oxford: Oxford University, 1956. [= Переписка Александра Поупа. Том 1 / Под ред. Г. Шербурна.]
 23. Smith M. *On the peace: A poem Humbly inscrib'd to the most Honourable the Earl of Oxford and Mortimer, Lord High Treasurer of Great-Britain, & c.* London, 1713. [= Смит М. О мире: стихотворение, скромно посвященное достопочтенному графу Оксфорду и Мортимеру, лорду-казначею Великобритании, Лондон, 1713 г.]
 24. *The Cambridge history of English literature, 1660–1780 / Ed. J. Richetti.* Cambridge: Cambridge University Press, 2005. [= Кембриджская история английской литературы, 1660–1780 / Под ред. Дж. Ричетти.]
 25. *The Congress. A Poem. Inscripted to the Right Reverend John, Lord Bishop of London.* (1714). London. [= Конгресс. Стихотворение. Посвящено его преподобию Джону, лорду-епископу Лондонскому.]
 26. *The letters and diplomatic instructions of Queen Anne / Ed. V. C. Brown.* London: Cassell and Company, 1995. [= Письма и дипломатические инструкции королевы Анны / Под ред. В. Брауна]
 27. *Theatrum Belli — Theatrum Pacis. Konflikte und Konfliktregelungen in fruehneuzeitlichen Europa / Her. I. von Dingel, J. Paulmann, M. Schnettger, M. Wrede.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. [= Theatrum Belli — Theatrum Pacis. Конфликты и урегулирование конфликтов в Европе раннего Нового времени / Под ред. фон Дингеля, Дж. Паульманна, М. Шнеттгера, М. Вреде.]
 28. Tickell Th. *A Poem, on the prospect of peace. A Poem, to his Excellency the Lord Privy-Seal, on the prospect of peace.* London, 1713. [= Тикелл Т. Стихотворение, посвящённое перспективам мира. Стихотворение, адресованное его превосходительству лорду

- хранителю печати, посвященное перспективам мира.]
29. Trapp J. Peace. A poem: Inscribed to the Right Honourable the Lord Viscount Bolingbroke. S. P. [Stephen Powell] for J. Hyde, 1713. [= Трепп Дж. Мир. Стихотворение, посвящённое достопочтенному лорду виконту Болингброку.]
 30. Utrecht-Rastatt-Baden 1712–1714. Ein europäisches Friedenswerk am Ende des Zeitalters Ludwigs XIV / Her. H. von Duchhardt, M. Espenhorst. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2013. [= Утрехт-Раштатт-Баден 1712–1714. Работа по установлению мира в Европе в конце эпохи Людовика XIV / Под ред. Х. фон Дюххардта, М. Эспенхорст.]
 31. Waller W. Peace on Earth. A congratulatory Poem. London: John Morphew, 1713. [= Уоллер У. Мир на Земле. Поздравительное стихотворение.]
 32. Weinbrot H. D. The Cambridge history of British literature from Dryden to Ossian. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. [= Вайнброт Х. Д. Кембриджская история британской литературы от Драйдена до Оссиана.]
 33. Wesley S. A hymn on peace. To the Prince of Peace. London: J. Leake, 1713. [= Уэсли С. Гимн миру. Князю Мира.]
 34. Williams A. Poetry and the creation of a Whig literary culture, 1681–1714. Oxford: OUP, 2005. [= Уильямс А. Поэзия и становление литературной культуры вигов, 1681–1714.]
 35. Williams R. W. Pope and the “Painted Scene” // Sydney Studies in English. — 1987. — № 13. — С. 39–60. [= Уильямс Р. В. Поуп и “Нарисованная сцена”.]